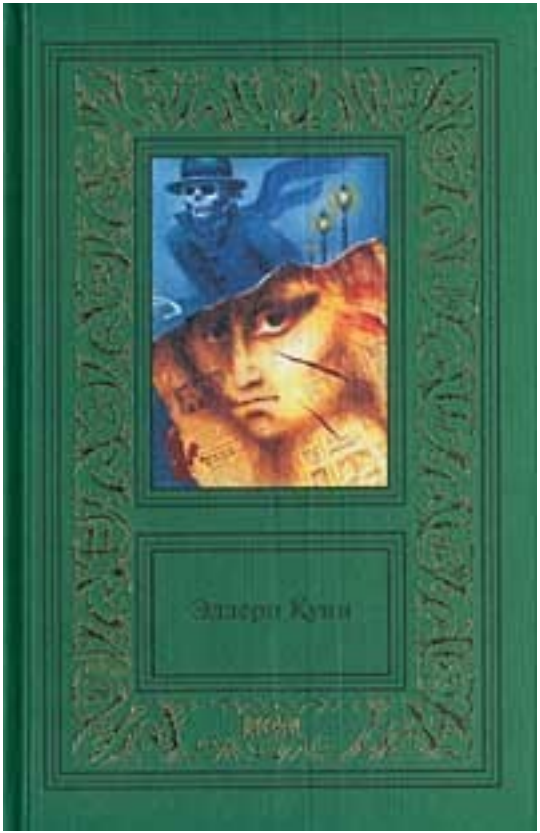
Эллери Куин

Эллери Куин
Таинственный цилиндр

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=149307

Аннотация

Эллери Квин – псевдоним двух кузенов: Фредерика Дэнни (1905-1982) и Манфреда Ли (1905-1971). Их перу принадлежат 25 детективов, которые объединяет общий герой, сыщик и автор криминальных романов Эллери Квин, чья известность под стать популярности ШерлокаХолмса и Эркюля Пуаро. Творчество братьев-соавторов в основном укладывается в русло классического детектива, где достаточно запутанных логических ходов, ложных следов, хитроумных ловушек.

Эллери Куин – не только псевдоним двух писателей, но и действующее лицо их многих произведений – профессиональный сочинитель детективных историй и сыщик-любитель, приходящий на помощь своему отцу, инспектору полиции Ричарду Куину, когда очередной криминальный орешек оказывается тому не по зубам.

Содержание

ПЕРЕЧЕНЬ ЛИЦ, ВОВЛЕЧЕННЫХ, В РАССЛЕДОВАНИЕ ДЕЛА 4
ПРЕДИСЛОВИЕ 9
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ 18
ГЛАВА ПЕРВАЯ, в которой читателю будут представлены театральная публика и труп 18
ГЛАВА ВТОРАЯ, в которой один Квин работает, тогда как другой предается созерцанию 32
ГЛАВА ТРЕТЬЯ, в которой «Пастор» испытывает затруднения 56
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ, в которой много званых, но лишь двое избранных 81
ГЛАВА ПЯТАЯ, в которой инспектор Квин проводит ряд серьезных бесед 92
Конец ознакомительного фрагмента. 118

ТАИНСТВЕННЫЙ ЦИЛИНДР
Эллери КУИН

ПЕРЕЧЕНЬ ЛИЦ, ВОВЛЕЧЕННЫХ, В РАССЛЕДОВАНИЕ ДЕЛА

Предварительное замечание. Публикуемый нами подробный список особ мужского и женского пола, фигурирующих в романе об убийстве Монти Фильда, призван оказать практическую помощь читателю. Опыт свидетельствует, что в процессе чтения детектива, полного загадок, читатель имеет обыкновение упускать из внимания персонажи, как ему думается, незначительные, в итоге же оказывается, что они-то и играют решающую роль при раскрытии дела. Автор настоятельно рекомендует читателю периодически справляться с предлагаемым списком во время долгого путешествия по роману – во избежание криков «Так нечестно! Надувательство!», которыми часто разражаются невнимательные, дочитав книгу до

конца.

Э. К.

СПИСОК

Монти Фильд – поистине важная фигура в романе – жертва.

Уильям Пьюзак – бухгалтер. Человек со своеобразной формой черепа.

Доил – полицейский с головой на плечах.

Луи Панцер – директор театра на Бродвее.

Джеймс Пил – исполнитель роли Дон-Жуана в пьесе «Игры с оружием».

Эва Эллис – дружба – это вам не игрушки.

Стивен Барри – волнение юного героя легко понять.

Люсиль Хортон – «уличная красотка», но только на сцене.

Хильда Оранж – известная в английских театральных кругах исполнительница характерных ролей.

Томас Велье – сержант-детектив, кое-что понимающий в преступлениях.

Хессе, Пиготт, Флинт, Джонсон, Хагстрем, Риттер – господа из отдела расследования убийств.

Доктор Сэмюэл Праути – полицейский врач-эксперт.

Мадж О'Коннел – билетерша, которая стояла в тот вечер в злосчастном проходе.

Доктор Статтгард – среди публики непременно найдется

хоть один врач.

Джесс Линч – парень, разносящий напитки и всегда готовый помочь.

Джон Казанелли, он же «Пастор Джонни» – пришел поглядеть «Игры с оружием» уже из одного чисто профессионального интереса.

Бенджамин Морган – интересно, что вы о нем думаете?

Франсес Айвз-Поуп – это уже началось великосветское общество.

Стэнфорд Айвз-Поуп – прожигатель жизни.

Гарри Нельсон – находит удовольствие в соблазнений масс.

Генри Сампсон – прокурор, как исключение – интеллигентный.

Чарльз Майклз – муха. Или паук?

Миссис Анжела Рассо – дама сомнительной репутации.

Тимоти Кронин – ищейка закона.

Артур Стоутс – еще одна.

Оскар Луин – заправляет всем в конторе покойного.

Миссис Айвз-Поуп – мнимая больная.

Миссис Филипс – ангел среднего возраста, помощь которого неоценима.

Доктор Таддиус Джонс – токсиколог на службе городу Нью-Йорку.

Эдмунд Кру – эксперт по архитектурным вопросам в криминальной полиции.

Джуна – прислуга за все в доме Квинов.

Главный вопрос таков: Кто убил Монти Фильда?

А теперь познакомьтесь с пытливыми и прозорливыми джентльменами, чья задача – ответить на этот вопрос:

Мистер Ричард Квин.

Мистер Эллери Квин.

ПЛАН

Пояснения к плану театра в римском стиле:

1. Гримуборные актеров.
2. Место Франсес Айвз-Поуп.
3. Место Бенджамина Моргана.
4. Находящиеся у прохода места «Пастора» Джонни Казанелли и Мадж О'Коннел.
5. Место доктора Статтгарда.
6. Место, где стоял юноша, разносивший напитки (только во время антрактов).
7. Место преступления и пространство вокруг него; черным помечено кресло Монти Фильда. Белые квадраты справа от него и четыре белых квадрата перед ним обозначают пустовавшие кресла.
8. Кабинет ответственного за рекламу Гарри Нельсона.

9. Кабинет директора театра Луи Панцера.
10. Приемная кабинета директора театра.
11. Место работы билетера.
12. Единственная лестница, которая ведет на балкон.
13. Лестница, которая ведет вниз, в фойе театра.
14. Театральные кассы.
15. Помещение, где хранится реквизит.
16. Место, где сидел Уияьям Пьюзак.
17. Ложи для оркестра.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Как автор, так и издатель попросили меня написать краткое вступительное слово к книге об убийстве Монти Фильда, лежащей сейчас перед вами. Во избежание недоразумений поясню сразу же, что я не писатель и не криминалист. Потому не вижу для себя возможности компетентно судить о перипетиях уголовного дела и описании их в романе. Тем не менее есть веское основание, позволяющее мне выступить с предисловием к этой примечательной истории, в основе которой лежит, возможно, самое загадочное преступление последнего десятилетия… Не будь меня, «Таинственный цилиндр» никогда не вышел бы в свет. Моя заслуга в том, что роман предстал на суд читателя – но это все, что меня с ним связывает.

В прошлую зиму я отряхнул со своих стоп пыль нью-йоркских улиц и подался в Европу. Странствия мои по Старому Свету были бесцельны – так, туда-сюда со скуки. Такое, как у известного литературного героя, накатывает на каждого, кто отправляется на поиски своей ушедшей юности. В один из дней августа я оказался в небольшой итальянской деревушке. Как я туда попал, где она расположена и как называется – не имеет значения. Данное слово надо держать, даже если это слово биржевого маклера. Я с трудом припомнил, что эта деревенька, лежащая высоко в горах, приютила двух моих

старинных друзей, которых я не видел уже больше двух лет. Они бежали туда от шума и суеты большого города, чтобы сменить Нью-Йорк на светлый покой итальянской природы. И мое любопытство, требовавшее узнать, те раскаиваются ли они в принятом решении, побудило меня этот покой нарушить.

Старый Ричард Квин и его сын Эллери приняли меня весьма и весьма сердечно. Были времена, когда мы были больше чем просто друзьями. Возможно, пьянящий воздух Италии освежил покрывшиеся пылью манхеттенские воспоминания. Во всяком случае мне показалось, что они очень счастливы видеть меня. Миссис Квин – а Эллери теперь являлся супругом чудесного создания и отцом наследника, невероятно похожего на деда, – была достойна своей фамилии. Даже Джуна, который уже не был тем бездельником, которого я знал когда-то, радостно приветствовал меня.

Хотя Эллери в своих попытках заставить меня забыть Нью-Йорк отчаянно стремился продемонстрировать все красоты сельского ландшафта, я не вынес и нескольких дней на их крошечной вилле, не поддавшись дьявольским искушениям, и пристал к Эллери, словно банный лист. Если уж я чем и отличаюсь от остальных смертных, так это необычайным упорством.

Кончилось тем, что он в отчаянии сдался – перед самым моим отъездом. Он взял меня с собой в свою библиотеку, запер дверь и полез в старый шкаф с бумагами. Он долго

искал, останавливался в раздумьях, и нашел, наконец, то, о чем я давно догадывался. Речь шла о выцветшей рукописи, завернутой, как и следовало ожидать от Эллери, в какую-то синюю бумагу, столь любимую судейским племенем.

Тут между нами завязался спор. Я желал покинуть этот благословенный край с рукописью в своем чемодане, тогда как он настаивал на возвращении ее в шкаф. Старый Ричард выбрался из-за своего письменного стола – он как раз писал для немецкого журнала статью «Американский уголовный мир и способы раскрытия его преступлений» – и присоединился к спору. Миссис Квин твердо приняла сторону мужа и удерживала его, когда он был близок к тому, чтобы закончить затянувшуюся полемику сокрушительным боксерским ударом. Джуна что-то бурчал себе под нос, и даже Эллери-младший соблаговолил вытащить изо рта пухлую ручонку, чтобы заметить что-то по этому поводу на своем языке.

Кончилось дело тем, что «Таинственный цилиндр» оказался ври моем возвращении в Штаты у меня в багаже. Разумеется, не без целого ряда условий и оговорок – Эллери ведь человек особый. Так, меня заставили заклясться, что имена всех действующих лиц детективной истории, а также моих друзей будут изменены и никогда не станут достоянием читающей публики.

Стало быть, «Ричард Каин» и «Эллери Квин» – не настоящие имена этих господ. Эллери сам выбрал псевдонимы, а я сразу же должен сказать, что читатели, которые попытаются

усмотреть в них какую-то анаграмму и прочесть подлинные фамилии и имена, ошибутся.

«Таинственный цилиндр» основывается на документах, которые действительно хранятся в архивах полиции Нью-Йорка. Эллери и его отец, как обычно, вместе расследовали это дело. К тому времени у Эллери уже сложилась репутация автора детективных романов, что не так уж и мало. Сообразуясь с известной пословицей, что действительность может далеко превзойти самый смелый вымысел, Эллери взял в привычку записывать обстоятельства интересных дел, чтобы при случае использовать их в своих детективах. Дело с цилиндром заинтересовало его настолько, что он сделал необычайно подробные записи. Затем он переработал их в роман, который хотел опубликовать. Но включился с головой в очередное расследование, не имея времени ни на что больше. А когда это последнее дело было завершено, отец Эллери, инспектор, исполнил, наконец, мечту своей жизни: отправился на покой и переселился со всем своим скарбом в Италию. Эллери, который в ходе расследования встретил женщину своей мечты, испытывал мучительное желание создать что-то «великое» в области литературы: «Италия» музыкой звучало в его ушах. С благословения отца он женился, и все трое, сопровождаемые Джуной, направились в Европу, на новое место жительства. Рукопись была совершенно позабыта – до того самого момента, когда я смог ее спасти.

И еще об одном я позволю себе сказать несколько слов,

прежде чем закончу это затянувшееся предисловие.

Мне всегда было нелегко объяснять, почему между людьми, которых я принужден называть здесь Ричардом и Эллери Квином, существует столь прочная связь, почему они так близки. Ко всему, прочему, нельзя сказать, что оба просты характером. Ричард Квин, дослужившийся до почетных седин в полиции Нью-Йорка, отдавший ей тридцать два года, получил свое звание не столько благодаря рвению, сколько благодаря необычайному владению методом расследования преступлений. По поводу его блестящих криминалистических достижений, проявленных при расследовании ныне почти забытого дела об убийстве Барнэби Росса, в прессе писали, что «Ричард Квин снискал лавры и встал в один ряд с такими великими детективами, как Тамака Хиро, француз Брильон, Крис Оливер, Рено и Джеймс Редикс-младший».

Квин, со свойственным ему недоверием к газетной лжи, первым посмеялся над этим из ряда вон выходящим комментарием. Правда, Эллери уверяет, что его отец тайно хранил эту газетную вырезку на протяжении многих лет. Как бы то ни было, а несмотря на все попытки изобретательных журналистов сделать из него легенду, Ричард Квин остался для меня человеком из плоти и крови. Нельзя не подчеркнуть при этом со всей определенностью, что многие из его служебных успехов в значительной степени зависели от мыслительных способностей его сына.

Об этом знают далеко не все. Друзья до сих пор хранят кое-какие предметы в память о раскрытых ими делах; их маленькая холостяцкая квартира на 85-й улице сегодня превратилась в полуофициальный музей, где бережно собраны всякие примечательные вещи, связанные с их деятельностью. Здесь некогда висели действительно прекрасные портреты отца и сына, принадлежащие кисти Тиро. Ныне они перекочевали в картинную галерею, одного миллионера, пожелавшего сохранить инкогнито. Здесь есть табакерка для нюхательного табака, принадлежавшая Ричарду, – старинная драгоценная вещь из Флоренции, купленная им на аукционе и значившая для него много больше, чем все драгоценные камни в мире, пока он в конце концов не уступил искусству убеждения одной привлекательной дамы в возрасте, чье доброе имя он защитил от клеветы. Здесь же обширнейшая библиотека о связанных с насилием преступлениях, собранная Эллери, – может, одна из самых полных в мире. Ему пришлось оставить эти книги, к своему глубочайшему сожалению, когда его семья отправилась в Италию. Кроме того, существуют, естественно, и многочисленные рукописи, не опубликованные до сей поры; в них – записи о делах, расследованных Квинами. От глаз любопытствующих они надежно скрыты в полицейском архиве Нью-Йорка.

Но вещи более интимного свойства – в частности, глубокая духовная связь между отцом и сыном – так и остались тайной для всех, кроме особенно близких к нам людей, к ко-

торым я, по счастью, вправе себя причислить. Отец, который был, возможно, самым известным из служащих криминальной полиции за последние пятьдесят лет, который славой своей затмил даже тех, кто еще недавно сидел в кресле шефа полиции – так вот, отец, простите за то, что повторяюсь, значительной частью своего авторитета был обязав гению своего сына.

Если говорить об упорстве, с которым надо было идти по достаточно ясному следу, то здесь Ричарду Квину не было равных. У него был острый взгляд, умение замечать мельчайшие детали, хорошая память, позволявшая держать в голове самые сложные планы. Если препятствие казалось непреодолимым, он умел трезво оценить ситуацию. Вы могли предоставить ему сотню самых различных, никак не связанных между собой сведений по какому-нибудь делу, и он за короткое время мог составить общую картину. Он напоминал ищейку, которую нельзя было сбить с толку путаницей следов.

Но что касается интуиции и дара воображения, то они больше приходилось на долю Эллери Квина, писателя-романиста. Они идеально дополняли друг друга, как гениальные близнецы, каждый из которых без другого был бы слаб и беспомощен, но вместе они составляли великую силу. Ричард Квин был весьма далек от того, чтобы тяготиться этими узами, которые превратились в залог его столь выдающихся успехов – как, вероятно, ими тяготилась бы на его месте на-

тура менее благородная – и постоянно прилагал все старания, чтобы довести это до сведения своих друзей. Стройный седовласый отец, имя которого было ненавистно всем преступникам того времени, имел обыкновение совершать свои «признания», как он сам называл их, с таким простодушием, что объяснить это можно было только отцовской гордостью.

И еще одно, самое последнее замечание. Вершиной всех расследований, проведенных обоими Квинами, стало – по причинам, которые весьма скоро станут ясны читателю, – именно описанное Эллери под названием «Таинственный цилиндр». Любители-криминологи, внимательные читатели детективных романов в процессе чтения доймут, почему Эллери счел необходимым столь подробно описать убийство Монти Фильда. Мотивы, которые движут заурядным убийцей, равно как и его поведение, не укроются от знатоков. Не так с убийством Монти Фильда. Здесь Квинам довелось столкнуться с личностью, которой не чужд точный расчет и незаурядная хитрость. Как подчеркнул Ричард уже вскоре по завершении расследования, это преступление и в самом деле было спланировано со всем совершенством, на какое только способен человеческий разум. Но, как оно бывает и при многих других «идеальных» преступлениях, случайный охотный промах в сочетании с блестящими умозаключениями Эллери предоставили в распоряжение Квинам ту зацепку, которая в конце концов и погубила преступника.

Дж. Дж. Мак-К.

Нью-Йорк, 1 марта 1929 г.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

«Часто полицейский вынужден встать на путь «бакадори» – ему надо уподобиться этим птицам, знающим, что их уже дожидают на берегу вооруженные дубинками браконьера, но, глядя смерти в глаза, они все же идут вперед, чтобы отложить в песке свои яйца. Точно так же я вся Япония не должна смочь удержать полицейского, если он полон решимости высидеть яйцо основательности».
Из «Тысячи листов» Тамаки Хиро

ГЛАВА ПЕРВАЯ, в которой читателю будут представлены театральная публика и труп

Театральный сезон 192.., года начался отнюдь не многообещающе. Юджин О'Нил не позаботился своевременно о том, чтобы написать новую пьесу и обеспечить, таким образом, финансовую поддержку со стороны интеллектуалов. Заурядная же публика, которая без особого интереса смотрела все подряд, уже давно предпочитала настоящему театру более утонченные наслаждения, предлагавшиеся роскошными кинозалами.

А потому вечером в понедельник, 24 сентября, когда сияние неоновых реклам в театральном квартале на Бродвее казалось не таким ярким из-за моросящего дождя, все продюсеры и директора театров от 37-й улицы до Колумбова кольца хмуро взирали на жизнь. На взгляд этих властителей театрального мира, призывавших в свидетели своего неуспеха Господа и метеорологическую службу, весь репертуар надо было менять к чертям! Промозглая сырость приковала потенциальных зрителей к их радиоприемникам и столам для бриджа. Бродвейский театральный квартал являл собой поистине жалкое зрелище тем немногим прохожим, которые отваживались бродить по его пустынным улицам.

Однако тротуар перед Римским театром на 47-й улице к западу от Уайтвей запрудила толпа, как будто был самый разгар сезона и прекрасная погода. Над входом яркими неоновыми буквами было начертано название пьесы – «Игры с оружием». Кассирам было некогда перевести дух, за билетами на вечерний спектакль выстроилась очередь. Портье, одетый в униформу желто-голубых тонов, производил впечатление своим невозмутимым видом и степенностью, с поклонами приглашая в зал зрителей во фраках и в мехах. Казалось, ему доставляло удовольствие сознавать, что разгул непогоды так и не смог повредить тем, кто создавал «Игры с оружием».

По всему театру – одному из самых новых на Бродвее – публика спешила занять свои места, поскольку все уже

были наслышаны о бурном начале пьесы. Вот уже последний любопытный отшуршал своей программкой, последний опоздавший споткнулся о ноги соседей, пробираясь к своему креслу, свет в зале погас, и занавес поднялся. Тишину разорвал выстрел, раздался мужской крик… Пьеса началась.

«Игры с оружием» представляли собой первую пьесу в сезоне, в которой использовался тот набор звуков, что связывается во всеобщем представлении с преступным миром. Налеты на ночные клубы, автоматные очереди, смертельная схватка между бандами – весь репертуар романтизированного уголовного мира был втиснут в три коротких акта. Пьеса была несколько утрированным изображением времени – чуть грубоватым, чуть безобразным, но по всем параметрам удовлетворяющим потребностям публики. Что в дождь, что в солнечную погоду, в театре царил аншлаг. И сегодняшний вечер доказывал популярность пьесы.

Спектакль шел гладко. Публика – как ей и полагалось – пребывала под впечатлением шумной кульминации первого акта. Дождь перестал, и во время первого десятиминутного антракта люди вышли из театра подышать воздухом. Когда поднялся занавес и начался второй акт, шум и грохот на сцене усилились. У самой рампы затеялась перестрелка – пик второго акта. А потому небольшая суета в задних рядах осталась незамеченной – что неудивительно при таком шуме, да еще в темноте. Казалось, никто не замечает, что происходит нечто странное, и пьесу продолжали играть дальше. Одна-

ко волнение в зале все более возрастало. Некоторые зрители в последних рядах левой стороны партера стали поворачиваться, чтобы сердитым шепотом призвать к порядку. Их становилось все больше, и скоро на эту часть зрительного зала уже были устремлены все взоры. И вдруг раздался пронзительный крик. Теперь уже и те, кто до сих пор был захвачен происходящим на сцене, где события быстро сменяли друг друга, повернули головы в ту сторону, с жадным интересом ожидая, что еще за сюрприз им принесет замысел режиссера.

Внезапно в зрительном зале вспыхнул свет, стали видны обескураженные, испуганные и полные ожидания лица зрителей. Слева, рядом с закрытым выходом из зала стоял внушительного вида полицейский и держал за локоть тщедушного взволнованного мужчину. Второй рукой он отодвигал в сторону любопытных и громко повторял зычным голосом:

– Оставайтесь на своих местах, говорю! Оставайтесь там, где вы есть!

Публика смеялась от всей души.

Однако мало-помалу лица посерьезнели, поскольку все заметили странную растерянность среди актеров. Хотя те еще продолжали подавать свои реплики, но с недоумением смотрели на происходящее в зале. Зрители, заметив это, повернулись в своих креслах, глядя Туда, где они почувствовали что-то неладное. Зычный голос полицейского продолжал греметь:

– Оставайтесь на своих местах, я говорю! Оставайтесь, где

вы есть!

Зрители вдруг поняли, что инцидент в зале не предусмотрен пьесой. Женщины завизжали и вцепились в своих, спутников: На балконе, откуда нельзя было видеть происходившее в зале, творилось что-то невообразимое. Какой-то сумасшедший дом.

Полицейский с сердитым видом обратился к невысокому мужчине, по виду – иностранцу, который оказался рядом.

– Вынужден просить вас немедленно закрыть все выходы из зала и позаботиться о том, чтобы их держали запертыми, мистер Панцер, – сказал он. – Поставьте у каждой двери билетеров и распорядитесь задерживать всякого, кто попытается выйти или войти. Пошлите также кого-нибудь охранять выходы на улицу, пока не приедет подкрепление из полицейского управления. Пошевеливайтесь, пошевеливайтесь, мистер Панцер, а то здесь начнется такое, что чертям будет тошно!

Смуглый мужчина поспешно бросился вон, расталкивая тех, кто подступил к полицейскому с намерением расспросить, что, собственно, происходит.

Полицейский в форме, широко расставив ноги, стоял рядом с выходом у последнего ряда левой стороны партера и массивной фигурой своей загораживал скорченное тело в вечернем костюме, лежащее на полу. Полицейский поднял взгляд и, продолжая сжимать, как тисками, руку перепуганного мужчины, посмотрел куда-то в конец зала.

– Эй, Нельсон! – позвал он.

Из небольшой каморки возле главного входа в зал появился высокий мужчина с волосами цвета соломы и стал протискиваться к полицейскому. Подойдя, он быстро взглянул на труп.

– Что случилось. Доил?

– Лучше спросите вот этого парня, – сердито отозвался полицейский, встряхнув руку мужчины, которого продолжал крепко держать. – Тут – покойник и мистер…

Он грозно поглядел на маленького мужчину, который еще больше сжался под его взглядом и пролепетал:

– Пьюзак… У-уильям Пьюзак…

– Этот мистер Пьюзак говорит, что слышал, как вот он прошептал перед смертью, что его прикончили. Нельсон ошеломленно уставился на труп. Полицейский закусил губу.

– В хорошенькое положение я попал, Гарри, – хрипло сказал он вполголоса. – Один на всю эту толпу сумасшедших, и надо с ней справиться… Я попросил бы вас оказать мне услугу…

– Пожалуйста, только скажите… Да тут просто адский гомон!

Доил в ярости повернулся и крикнул мужчине, который сидел на три ряда ближе к сцене и теперь встал, чтобы наблюдать за происходящим:

– Вот вы! Немедленно сядьте на место! И вы, что там столпились, сейчас же сдайте назад! Ну-ка, назад по своим ме-

стам, иначе я посажу под замок всех любопытных!

Он снова повернулся к Нельсону и негромко проговорил:

– Пойдите в свой кабинет, Гарри, и позвоните в управление полиции. Сообщите, что здесь у нас труп. Скажите, пусть пришлют сюда целый отряд, да побольше. Чем больше, тем лучше… Скажите, что тут целый театр народу – они поймут, что им делать. И вот еще что, Гарри. Возьмите-ка мой свисток, выйдите на улицу и посвистите, насколько хватит духу. Мне тут нужна помощь, и немедленно.

Нельсон уже пробирался сквозь толпу к выходу, когда Доил крикнул ему вслед:

– Скажите, пусть присылают сюда старого Квина, Гарри!

Светловолосый мужчина исчез из виду, и несколько мгновений спустя с улицы донеслись отчаянные трели полицейского свистка.

Смуглый директор театра, которому Доил велел поставить посты у всех выходов, торопливо возвращался, протискиваясь сквозь толпу. Сорочка у него под фраком была в беспорядке, он утирал пот со лба. Какая-то женщина остановила его, когда он пробирался мимо. Она пронзительно закричала:

– Мистер Панцер, по какому праву этот полицейский удерживает нас здесь? Вы должны знать, что я вправе покинуть это место! Если тут произошел несчастный случай, то меня это не касается! Это – ваши проблемы. Скажите ему, пожалуйста, пусть прекратит командовать и держать

под замком невинных людей!

Невысокий директор, пытаясь освободиться, лепетал:

– О, мадам, я прошу вас! Поверьте мне, полицейский знает, что делает. Здесь убили человека, дело серьезное. Поймите же! Как директор театра, я вынужден следовать его указаниям… Успокойтесь и потерпите немного…

Он вырвался и ускользнул, прежде чем она успела что-либо возразить.

Доил, дико жестикулируя, стоял на сиденье кресла и громогласно вещал:

– Я же сказал, чтобы вы сели на свои места и сохраняли спокойствие, вот вы, которые здесь столпились. Мне без разницы, мэр города вы или не мэр… Вон вы, там, с моноклем! Оставайтесь сидеть на месте! Или вам помочь? Усадить? Вы что, не понимаете, что случилось? А ну-ка закройте рты, говорю!

Он спрыгнул на пол и тихо выругался, вытирая пот со лба под форменной фуражкой.

Во всем этом столпотворении, когда весь зал кипел, как огромный котел, когда с балкона, вытягивая шеи, люди тщетно пытались увидеть, что же происходит внизу, никто уже не обращал никакого внимания на сцену. Актеры машинально произнесли еще несколько реплик, но они совершенно лишились смысла перед лицом драмы, разыгрывающейся в зале. Занавес медленно опустился, прервав на полуслове вечернюю беседу героев пьесы. Актеры, бурно обмениваясь

впечатлениями, поспешили к выходу со сцены. Как и зрители, они хотели быть поближе к месту происшествия.

Полная дама в годах, одетая в платье кричащих цветов – одаренная актриса из Англии, Хильда Оранж, игравшая «содержательницу бара мадам Мерфи»; стройное грациозное существо, «уличная девица Нанетта» – актриса Эва Эллис, исполнявшая главную женскую роль в пьесе; Джеймс Пил, высокий и сильный – «главный герой» в «Играх с оружием», облаченный в грубый твидовый пиджак и кепку с козырьком; Стивен Барри, элегантный молодой мужчина во фраке – он изображал молодого человека из великосветских кругов, попавшего в лапы банды; Люсиль Хортон – за роль «королевы улицы» критики, которых едва ли что-то могло пронять в этом провальном сезоне, удостоили ее целого водопада хвалебных слов в превосходной степени; пожилой мужчина с острой бородкой, безукоризненный фрак и цилиндр которого свидетельствовали о незаурядном таланте мистера Л. Ле Брюна – специально ангажированного художника по костюмам для «Игр с оружием»; грузный «злодей», выражение лица которого, еще недавно столь устрашающее на сцене, сейчас выдавало растерянность, поскольку он наблюдал за вышедшей из-под, контроля толпой зрителей – короче, здесь был практически весь актерский ансамбль спектакля, в гриме, в париках, в пудре.. Впрочем, некоторые из актеров быстро достали носовые платки, удалили наскоро грим за занавесом; и спустились со сцены по лестнице в зал, чтобы по

центральному проходу добраться до эпицентра волнения.

Новая суматоха – теперь уже у главного входа в зал – привлекла к себе всеобщее внимание. Многие, несмотря на запреты Доила, встали, чтобы лучше видеть происходящее. В зале с дубинками наготове появился отряд полиции. У Доила вырвался вздох облегчения, когда он увидел высокого мужчину в штатском, который отдавал команды.

– Что тут стряслось, Доил? – спросил тот, обводя недоверчивым взглядом зал. Полицейские, прибывшие с ним, оттесняли толпу зрителей в конец зала, за ряды кресел. Некоторые зрители, покинувшие свои места, попытались было вернуться на них, но их остановили и заставили присоединиться к негодующей компании за креслами.

– Похоже на то, что этот человек был убит, сержант, – сказал Доил.

– Так. – Мужчина в штатском без особого любопытства поглядел на единственного человека в театре, сохранявшего полное спокойствие, – тот лежал у их ног, лицо закрыто рукой в черном рукаве, ноги неестественно вытянуты под сиденья переднего ряда. Вся его поза была беспомощной и жалкой.

– Положили из ствола? – спросил Доила вновь прибывший, продолжая между тем оглядывать зал.

– Похоже, что нет, сэр, – ответил полицейский. – Первым делом я позаботился, чтобы его осмотрел врач– тут один нашелся среди зрителей. Он полагает, что смерть наступила от

яда.

Сержант хмыкнул.

– А это кто? – пробурчал он, указывая на дрожащего Пьюзака, который все еще стоял рядом с Дойлом.

– Парень, который обнаружил труп, – ответил Доил. – С тех пор он не сходил с этого места.

– Хорошо.

Сержант обернулся к большой группе людей, которую оттеснили полицейские, и она стояла теперь в нескольких метрах сзади.

– Кто здесь директор театра?

Панцер сделал шаг вперед.

– Я – Велье, сержант-детектив из управления полиции, – коротко представился человек в штатском. – Вы что же, так ничего и не предприняли, чтобы успокоить эту шумную толпу идиотов?

– Я старался изо всех сил, сержант, – пробормотал директор театра, заламывая руки. – Но они, кажется, озлоблены. Их, возможно, как-то задело, как тут действовал офицер полиции.

Он, как бы извиняясь, указал на Доила.

– Я думаю, нельзя было ожидать от них, что они останутся на своих местах, как будто ничего не случилось.

– Хорошо, мы позаботимся об этом, – прервал его Велье.

Он отдал какой-то краткий приказ полицейскому, который стоял рядом с ним.

– Ну ладно… – Он вновь повернулся к Дойлу. – А как обстоит дело с выходами? Вы что-нибудь предпринимали в этом направлении?

– Разумеется, сэр, – улыбнулся довольно полицейский. – Я поручил мистеру Панцеру поставить у каждой двери билетера. Они так и так стояли там весь вечер. Но я решил просто убедиться наверняка.

– Тут вы поступили правильно. И никто не пытался выйти из зала?

– Думаю, что могу ручаться за это, – со скромным видом включился в разговор Панцер. – Сама пьеса такова, что требует присутствия билетера перед каждой дверью. Специально для создания атмосферы спектакля. Пьеса – про преступников, со стрельбой, множество криков на сцене и тому подобных дел. И охранники в форме у всех выходов еще усиливают общее напряжение. Я легко мог бы выяснить для вас, пытался ли…

– Мы сами позаботимся об этом, – сказал Велье. – Доил, кого вы просили вызвать сюда?

– Инспектора Квина, – ответил Доил. – Я велел позвонить в управление полиции Нельсону, агенту по рекламе.

Велье не преминул улыбнуться.

– Ну вы просто обо всем подумали, правда? Ладно, а что там у нас с трупом? Кто-нибудь прикасался к нему с того момента, как этот парень его обнаружил?

Человек, весь сжавшийся от железной хватки Доила, так

и выпалил, всхлипывая:

– Я.., я только нашел его, господин офицер. Богом клянусь, я…

– Ну, ладно, ладно, – холодно сказал Велье. – Но держите язык за зубами, ясно? Что вы вообще расклеились? Возьмите себя в руки! Так что. Доил?

– Трупа никто не касался, с тех пор, как я встал здесь, – ответил Доил не без гордости. – Разумеется, кроме доктора Статтгарда. Я вызвал его из публики, чтобы он установил смерть этого человека. Он сделал это, и с тех пор никто к телу не приближался.

– Вы проявили служебное рвение, не так ли, Доил? Я позабочусь, чтобы вам не пришлось пожалеть об этом, – сказал Велье.

Он резко повернулся к Панцеру – так резко, что тот испуганно отшатнулся.

– Вам, господин директор, лучше пойти на сцену и обратиться к публике. Скажите, пусть вся компания остается там, где она есть, пока инспектор Квин не отпустит всех по домам, ясно? Скажите им, что жаловаться не имеет смысла. Жалобы только отнимают время. Они будут задерживать сами себя. Объясните им, кроме того, что все они должны оставаться на местах, и что каждый, кто сделает хотя бы одно подозрительное движение, пусть пеняет на себя.

– Ладно.., ладно.. Бог мой, какая катастрофа! – простонал Панцер, направляясь к центральному проходу, чтобы выйти

на сцену.

В этот миг через дверь в конце зала быстро вошла небольшая группа людей и сомкнутым строем зашагала по ковру.

ГЛАВА ВТОРАЯ, в которой один Квин работает, тогда как другой предается созерцанию

Если судить по внешнему виду, инспектор Ричард Квин не представлял собой ровно ничего особенного. Это был невысокий пожилой мужчина, с приветливым лицом, изборожденным морщинами. При ходьбе он слегка наклонялся вперед и имел несколько задумчивый вид, которому вполне соответствовали пышная седая шевелюра, усы, слегка затуманенные серые глаза и худые, интеллигентные руки.

Быстро шагая по ковру, инспектор Квин был весьма далек от желания произвести какое-то особенное впечатление на любопытных, которые так и пожирали его глазами. Тем не менее простота и достоинство, с какими он держался, возымели эффект, а еще больший – спокойная и приветливая улыбка – она была настолько неожиданной в данной ситуации, что по залу прошел легкий ропот, волною катившийся впереди инспектора Квина.

При его появлении заметно изменилось и поведение подчиненных. Доил потихоньку стушевался и отступил в угол, к выходам из зала с левой стороны. Сержант-детектив Велье, который только что склонялся к трупу, цинично и холодно окидывал взором толпу и совершенно не обращал внимания

на грозящую разразиться массовую истерику, сразу же слегка расслабился – так, как будто был счастлив уступить место в самом центре сцены, в свете всех прожекторов и отойти на второй план. Полицейские в форме, которые охраняли выходы из зала, с подчеркнутым старанием отдали честь. Публика, буквально минуту назад полная возмущения, ропщущая и возбужденная, вдруг, сама не ведая почему, с облегчением опустилась в свои кресла.

Инспектор Квин подошел к Велье и подал ему руку. – Честное слово, мне жаль, Томас, мальчик мой. Я слышал, ты уже совсем собрался домой, когда все это стряслось, – сказал он негромко, повернулся и наградил отеческой улыбкой Доила. Затем с некоторым состраданием поглядел на человека, лежавшего на полу.

– Томас, все выходы охраняются? – спросил он.

Белье кивнул.

Квин с интересом оглядел весь зал – много времени ему на это не потребовалось. Затем тихо задал Велье какой-то вопрос, в ответ на который тот опять кивнул. После этого инспектор поманил к себе Доила.

– Доил, где те люди, которые сидели вот на этих местах?

Он указал на три кресла рядом с креслом покойного и на четыре пустых кресла прямо перед ним.

Полицейский, кажется, растерялся.

– Я тут никого не видел, инспектор…

Квин постоял несколько секунд, затем отослал Доила; и

негромко сказал Велье:

– И все это в переполненном зале. Не стоит об этом забывать.

Велье недоуменно поднял брови.

– Я еще просто не вник в это дело по-настоящему, – дружелюбно продолжал инспектор. – Все, что я вижу пока – один мертвец и толпа потных людей, которые шумят изо всех сил. Распорядитесь, пусть Хессе и Пиготт наведут порядок.

Велье передал приказ двум мужчинам в штатском, которые появились в театре вместе с инспектором. Те проложили себе дорогу в конец зала, раздвинув толпу в стороны. За детективами в штатском следовали полицейские. Актерам тоже пришлось отступить назад. В середине зала меж рядами протянули толстый шнур и в образовавшееся между ними пространство препроводили примерно пятьдесят мужчин и женщин. Люди инспектора встали рядом и велели каждому из зрителей предъявить билет, а затем пройти на место, в нем указанное. Спустя пять минут никто из публики уже не стоял на ногах. Актеров попросили временно оставаться за шнуром.

Инспектор Квин опустил руку в карман пальто, осторожно Извлек оттуда коричневую украшенную резьбой табакерку и с явным наслаждением понюхал табаку.

– Вот так-то лучше, Томас, – сказал он довольно. – Ты же знаешь, как меня раздражает этот шум… У тебя есть хоть малейшее представление, кто этот бедняга на Полу?

Велье покачал головой.

– Я за него еще не брался, инспектор, – сказал он. – Я тут появился всего на несколько минут раньше вас. Кто-то из участка на 47-й улице позвонил мне и сообщил о том, что Доил просит помощи. Кажется, Доил тут взял все дело в свои руки. Лейтенант сильно его нахваливал.

– Ах, вот как, – сказал инспектор. – Доил! Подойдите, Доил!

Полицейский подошел и отдал честь.

– – Что здесь… – сказал невысокий седовласый человек, удобно располагаясь в кресле, – что здесь конкретно произошло, Доил?

– Все, что я могу сказать, – начал Доил, – это то, что за несколько минут до конца второго акта вот этот человек… – он указал на Пьюзака, который с невыразимо жалобным видом стоял в углу, – ..вот этот человек подбежал ко мне сзади – к тому месту, откуда я смотрел спектакль, и сказал: «Офицер, убили человека!.. Убили!» Он чуть не плакал, прямо как ребенок, я даже подумал, что он пьян. Но быстро подошел сюда. Было темно, на сцене кричали и палили вовсю. Я увидел этого парня на полу. Я не стал его трогать, только пощупал пульс – там уж никакого пульса не было. Чтобы знать наверняка, что с ним закончено, я спросил, нет ли в зале врача, и отозвался некий доктор Статтгард.

Инспектор Куш внимательно слушал, сдвинув, словно попугай, голову набок.

– Отлично, – сказал ой. – Отлично, Дойл. Я допрошу доктора Статтгарда позже. Что случилось потом?

– Потом, – продолжал полицейский, – потом я оная билетершу, которая стояла в проходе, в кабинет директора театра Пандора. Луи Панцер – вон там, прямо впереди. Он – директор.

Квин поглядел на Панцера, который в нескольких метрах от них, в задней части зала разговаривал с Нельсоном, и кивнул.

– Значит, это – Панцер. Хорошо,.. Хорошо… Эллери! Ты получил мое сообщение?

Он рванулся вперед, отодвинул Панцера, скромно посторонился, и хлопнул по плечу высокого молодого человека, который незаметно вошел через главный вход и теперь не спеша оглядывал зад. Старший взял младшего под руку.

– Я доставил тебе беспокойство, сын мой? Какой книжный магазин ты сегодня вечером обследовал? Нет, в самом деле, Эллери, я рад, что ты здесь!

Он полез в карман, снова достал табакерку я взял понюшку табаку – настолько изрядную, что даже чихнул.

– Собственно говоря, – ответил Эллери, не переставая озираться, – я не могу вернуть тебе комплимент. Ты в самом деле вытащил меня сюда из настоящего книжного рая. Я даже уговорил хозяина продать мне бесценное первоиздание Фальконе – попросил отложить его, потому что у меня с собой не было нужней суммы, и собрался в управление –

занять у тебя. Позвонил туда – и вот я здесь. Первоиздание Фальконе! Ну ладно. Оно от меня никуда не денется, думаю.

Инспектор тихо усмехнулся.

– Вот если бы речь шла о старинной табакерке, меня бы это, может, и заинтересовало. Пойдем-ка. Похоже на то, что мы нынче вечером будем заняты еще кое-чем.

Он взял сана под руку, я они на нравились к небольшой труппе людей слева от них Эллери Квин был почти на голову выше отца. У него были широкие плечи и размашистая походка. Одет он был в темно-серый костюм, а в руках держал легкую тросточку. Очки без оправы, красовавшиеся у него на носу, казалось не очень соответствовали его атлетическому виду. Но лоботомные черты лица и ясные глаза выдавали в нем скорее человека духа, чем человека деда.

Они присоединились к собравшимся вокруг тела. Велье уважительно приветствовал Эллери. Тот перегнулся через сшивку сиденья, добросовестно оглядел трость и отошел.

– Итак, продолжайте. Доил, – живо сказал инспектор. – Вы, стало быть, осмотрели труп, задержали человека, который его обнаружил, к пригласили директора театра… Что потом?

– По моему указанию Панцер немедленно запер все двери и установил наблюдение за тем, чтобы никто не входил, и не выходил, – ответил Дойд. – Публика довольно-таки рассердилась, но больше ничего особенного те случилось.

– Так-так, – сказал инспектор, шаря в кармане в поисках

табакерки. – Вы в самом деле славно поработали. А теперь займемся вон тем господином.

Он указал рукой туда, где в углу стоял дрожащий маленький человек. Тот, заметив жест инспектора, шагнул неуверенно вперед и нервно облизнул губы. Потом беспомощно оглянулся до сторонам и замер в, молчании.

– Как вас зовут? – дружелюбно спросил инспектор.

– Пьюзак… Уильям Пьюзак, – сказал мужчина. – Я – бухгалтер. А как раз только…

– Давайте все по порядку, Пьюзак. Где вы сидели?

Пьюзак поспешил указать на шестое место от прохода, в последнем ряду. На пятом месте сидела и испуганно поглядывала на них девушка.

– Вижу, вижу, – кивнул инспектор. – Эта юная дама– с вами?

– Да, сэр. Да. Это моя невеста, сэр. Ее зовут Эстер Джаблоу:

Один из подчиненных инспектора, стоя чуть сзади, вел запись допроса. Эллери зашел за, спину отца и не спеша переводил взгляд с одного выхода из зала на другой. Потом достал из кармана пальто небольшую книжку к на обороте ее обложки принялся рисовать план театра.

Инспектор внимательно поглядел на девушку, которая тут же отвела глаза.

– Итак, Пьюзак, я бы хотел, чтобы вы рассказали мне, что произошло.

– Я… Я не сделал ничего противозаконного, сэр. Инспектор ободряюще хлопнул его по руке.

– Никто вас и не обвиняет, Пьюзак. Я просто хочу узнать от вас, что тут случилось. Можете не торопиться, время у нас есть. Расскажите мне все так, как хотите, совершенно свободно.

Пьюзак удивленно поглядел на него. Потом снова облизнул сухие губы и начал:

– Значит, так. Я сидел вон на том месте рядом со своей.., с мисс Джаблоу. Пьеса нам по-настоящему понравилась. Второй акт был просто захватывающий. На сцене все время шла стрельба, орали вовсю, постоянно держали в напряжении. Потом я встал и захотел выйти – вон в тот проход.

Он, волнуясь, указал куда-то вниз, на ковер. Квин ободряюще кивнул.

– Мне надо было пройти мимо моей.., мимо мисс Джаблоу. Между ней и проходом не было никого, сидел только один мужчина. Вот почему я решил выходить в эту сторону. Не так-то удобно… – Он замялся, как бы желая извиниться за свое поведение. – ..Пришлось мешать людям смотреть в самом захватывающем месте.

– Это было весьма осмотрительно с вашей стороны, Пьюзак, – сказал, улыбаясь, инспектор.

– Да, сэр. Я, значит, пошел по ряду, почти что ощупью – в зале была тьма кромешная.., и потом наткнулся на.., на этого человека.

Он даже содрогнулся при этом воспоминании, но взял себя в руки и стал говорить чуть быстрее.

– Странно он как-то сидит, подумал я. Колени его касались спинки кресла впереди, и я не мог пройти. Я сказал: «Извините» и попытался протиснуться, но его колени даже не шевельнулись. Я не знал, как мне поступить, сэр. Я не такой бесцеремонный, как многие сегодня, так что уже хотел было развернуться и идти обратно, но тут вдруг почувствовал, как тело мужчины сползает на пол – я ведь все еще стоял с ним совсем рядом. Само собой, я очень испугался, просто сердце оборвалось, но ведь это естественно.

– Надо полагать! – с сочувствием сказал инспектор. – Вам не позавидуешь. И что произошло потом?

– Ну, сэр… Пока я вообще успел понять, что происходит, он уже совсем сполз со своего кресла, и голова его ударилась о мои ноги. Я растерялся вконец. Я не мог позвать на помощь– не знаю, почему, но просто не мог – и все. Я наклонился к нему, думал – он пьян или болен, или с ним еще что, и хотел поднять его. Что я буду делать с ним потом, я и представления не имел…

– Понимаю, что вы пережили, Пьюзак. Продолжайте.

– Затем произошло то, о чем я рассказал этому полицейскому. Я как раз подхватил его голову, и тут заметил, что его рука поднялась и ухватила мою так, как будто он отчаянно пытается удержаться, найти опору. Затем он застонал. Так тихо, еле слышно, но это было что-то невыразимо ужасное.

Я вам просто описать не могу…

– Ничего, пока все понятно, – сказал инспектор. – Что дальше?

– Дальше он заговорил. Не то чтобы по-настоящему, больше было похоже на какое-то хрипение, как будто он задыхался. Он сказал так несколько слов, которые я не разобрал, но понял, что он не пьян и не болен. Я еще ниже склонился к нему и стал вслушиваться. И разобрал, как он прохрипел: «Это было убийство… Меня убили». Или что-то в этом роде.

– Значит, он сказал: «Это было убийство?» – Инспектор пытливо поглядел на Пьюзака. – Ну, хорошо. У вас это, надо думать, вызвало шок.

Он помолчал, и вдруг спросил:

– А вы точно уверены, что этот человек сказал «убийство»?

– Именно это я и услышал от него, сэр. Мои уши меня еще не подводили, – начиная сердиться, сказал Пьюзак.

– Хорошо. – Квин снова улыбнулся, как будто испытал облегчение. – Я просто хотел убедиться наверняка. Что вы сделали потом?

– Потом я почувствовал, что он снова пытается подняться и вдруг обмяк у меня на руках. Я испугался, что он умер. Тут уж не знаю как, но у меня провал в памяти. Следующее, что помню, – как я рассказывал все это полицейскому. Вот этому.

Он показал на Доила, который с безучастным видом по-

качивался с носка на пятку.

– И это все?

– Да, сэр. Все. Это все, что мне известно, – сказал Пьюзак со вздохом облегчения.

Квин вдруг схватил Пьюзака за лацкан и, приблизив его лицо к своему, сказал сердито:

– Нет, не все, Пьюзак. Вы забыли сказать о самом главном – почему вы вдруг решили встать и выйти.

Он не отводил взора, глядя Пьюзаку прямо в глаза. Тот кашлянул, помялся какое-то мгновение, как будто не знал, что ему сказать, потом подался к инспектору и что-то прошептал ему на ухо.

– О! – По губам удивленного инспектора скользнуло некое подобие улыбки, но он сказал совершенно серьезно:

– Понимаю, Пьюзак. Большое спасибо за то, что вы помогли нам. Теперь все в полном порядке. Вы можете вернуться на свое место, а потом вместе со всеми покинуть это здание.

Инспектор жестом отпустил Пьюзака. Тот, бросив полный жалости взгляд на тело, быстро прошел за спинками последнего ряда и сел рядом с девушкой. Та немедленно вовлекла его в оживленную беседу, но шепотом.

Когда инспектор, тихо улыбаясь, обернулся к Велье, Эллери, судя по его виду, так и подмывало что-то сказать, но он все же передумал, отошел куда-то назад и пропал из поля зрения.

– Ну хорошо, Томас, – вздохнул инспектор. – Теперь давай

примемся за этого парня.

Он опустился на колени между креслами и склонился над мертвым мужчиной. Хотя под потолком ярко светили лампы, здесь, между рядами, было темновато. Велье включил фонарик и слегка навис над инспектором, чтобы посветить туда, где были руки Квина. Инспектор молча указал на отвратительное бурое пятно, которое расползлось по белоснежной сорочке.

– Кровь? – пророкотал Велье. Инспектор обнюхал сорочку.

– Всего лишь виски.

Он прошелся руками по телу, ощупал область сердца и шею – воротничок был расстегнут – а затем поднял взгляд и посмотрел на Велье.

– И в самом деле похоже на яд, Томас. Ты не мог бы привести мне сюда этого доктора Статтгарда? Я хочу послушать, что он скажет, пока не приехал Праути.

Велье строгим голосом отдал приказ, и через несколько мгновений вслед за детективом появился человек среднего роста, в вечернем костюме, смуглый, с оливковой кожей и тонкими черными усиками.

– Он здесь, инспектор, – доложил Велье.

– Ах, да! – Квин прервал осмотр тела и поднял глаза. – Добрый вечер, доктор. Мне сказали, что вы обследовали труп сразу же после того, как он был обнаружен. Я не вижу никакой очевидной причины смерти. А каково ваше мне-

ние?

– Мое обследование по необходимости было весьма поверхностным, – осторожно заметил доктор Статтгард, тогда как пальцы его стряхивали несуществующие пылинки с сатинового лацкана. – В полутьме, да еще при подобных обстоятельствах я не смог поначалу найти никаких признаков насильственной смерти. Из-за того, что мимические мышцы были искажены судорогой, я вначале предположил просто сердечную недостаточность, но присмотрелся и заметил цианоз, синюшный оттенок лица – даже при этом свете его можно заметить, правда? Это, в соединении с запахом алкоголя изо рта, может, вероятно, указывать на алкогольное отравление. Во всяком случае, я могу сказать вам точно одно: этот человек умер не от огнестрельной и не от колотой раны. Я, разумеется, определил это сразу же. Я внимательно обследовал его шею – видите, даже воротничок расстегнул – чтобы убедиться, что его не задушили.

– Все ясно. – Инспектор улыбнулся. – Большое спасибо, доктор. О, пока я не забыл, – остановил он доктора Статтгарда, когда тот уже собрался уходить, – как вы считаете, этот человек не мог отравиться метанолом?

Доктор Статтгард не задумываясь ответил:

– Невозможно. Это было что-то значительно более сильное и быстродействующее.

– А вы не могли бы назвать нам яд, которым убили этого человека?

Врач поколебался было, но потом сухо сказал:

– Сожалею, инспектор, но для вас было бы разумнее не требовать от меня в этих условиях большой точности.

Он умолк и ретировался.

Квин усмехнулся, снова принимаясь за осмотр тела.

Распростертый на полу труп не представлял собой приятного зрелища. Инспектор осторожно отвел сжатую в кулак руку, закрывавшую лицо, и стал изучать черты, искаженные судорогой. Потом заглянул под кресло. Там ничего не было. На подлокотнике кресла висела черная накидка на шелковой подкладке. Квин вынул содержимое карманов фрака и накидки, а затем ощупал всю одежду. Из внутреннего кармана на груди он извлек несколько писем и какие-то бумаги. Затем обследовал карманы жилета и брюк. Сложил все, что обнаружил, в две кучки: в одну – ,письма и бумаги, в другую – монеты, ключи и прочие мелкие вещицы. В одном из боковых карманов нашел маленькую серебряную фляжку с инициалами «М. Ф.». С фляжкой инспектор обошелся крайне осторожно: взял за горлышко и внимательнейшим образом оглядел блестящую поверхность, отыскивая отпечатки пальцев. Потом покачал головой, с великой тщательностью завернул фляжку в чистый носовой платок и отложил в сторону.

Билет с оторванным контролем и с надписью «ЛЛ 32, левая сторона» он опустил в кармашек собственного жилета.

Он не стал тратить время на осмотр вещей покойного по

отдельности, а только ощупал подкладку жилета и пиджака, а также брюки. Дойдя до заднего кармана брюк, он вдруг воскликнул:

– Прекрасно, Томас! Кое-что славное я здесь нашел! С этими словами он извлек маленькую дамскую сумочку, задумчиво повертел ее в руках, расстегнул, оглядел содержимое – тушь, помаду и прочее. В маленьком боковом карманчике рядом с ними он нашел чехольчик для визитных карточек. Немного погодя он снова сложил в сумочку все ее содержимое и сунул к себе в карман.

Затем инспектор поднял с пола бумаги и пробежал их взглядом. Он нахмурился, дойдя до последнего листка. –Там стояла личная печать.

– Ты когда-нибудь слышал такое имя – Монти Фильд? – спросил он Томаса. Велье закусил губу.

– Кажется, да. Это один из самых прожженных адвокатов. Из тех, что защищают всяких негодяев.

Инспектор серьезно посмотрел на своего помощника.

– Так вот, Томас, это – мистер Монти Фильд или, лучше сказать, его бренные останки. Велье хмыкнул.

– Так начнешь сомневаться в полезности полиции, – донесся из-за плеча отца голос Эллери. – Если поразмыслить, с какой безжалостностью она преследует людей, освобождающих нас от таких язв общества, как мистер Монти Фильд.

Инспектор выпрямился, стряхнул пыль с колен, взял понюшку табаку и сказал:

– Эллери, мальчик мой, полицейского из тебя никогда бы не вышло. А я и не знал, что Фильд был тебе знаком, – Не могу сказать, что мы были на короткой ноге с этим господином, – ответил Эллери. – Но припоминаю, что встречал его как-то в клубе «Пантеон». После того, что мне довелось тогда про него услышать, я ничуть не удивляюсь, что кто-то убрал его с дороги.

– Давай поговорим о достоинствах и недостатках мистера Фильда в более подходящий момент, – серьезно сказал инспектор. – Мне тоже известно про него достаточно много, и притом ничего особенно отрадного.

Он повернулся, чтобы идти, но тут Эллери, который все это время рассматривал труп и кресло, спросил:

– Отсюда уже что-нибудь уносили, папа? Что-нибудь из вещей покойного?

Инспектор оглянулся на сына.

– Как ты додумался до такого незаурядного вопроса, мой юный друг?

– Если мне не изменяет зрение, – ответил Эллери, – цилиндра этого субъекта нет ни под сиденьем, ни вообще где-то поблизости.

– Значит, тебе это тоже бросилось в глаза, Эллери? – с хмурым видом спросил инспектор. – Это было первое, что я заметил, склонившись над ним. Точнее, первое, что я не заметил.

Он наморщил лоб, и усы его, кажется, даже встопорщи-

лись от досады. Окончательно впав в скверное настроение, он пожал плечами.

– И никакой бирочки из гардероба на сданную шляпу в карманах… Флинт!

Коренастый молодой человек в штатском поспешил к нему.

– Флинт, небольшая разминка для вас: вставайте-ка на четвереньки и ищите под креслами цилиндр. Он должен быть где-нибудь поблизости.

– Есть, инспектор – весело отозвался Флинт и принялся методично обследовать указанную ему часть зала.

– Велье, – деловито сказал Квин, – распорядитесь прислать сюда Риттера, Хессе и.., нет, двоих, пожалуй, будет достаточно.

Велье удалился.

– Хагетрем! – подозвал инспектор другого детектива, который стоял неподалеку.

– Да, шеф.

– Позаботьтесь, чтобы весь этот хлам, – он указал на две небольшие кучки вещей, извлеченных из карманов Фильда, – оказался у меня в портфеле.

Хагетрем опустился на колени рядом с трупам, а Эллери не спеша расстегнул карман своей куртки, достал ту же книжицу, на внутренней стороне обложки которой он уже рисовал план зрительного зала, и принялся что-то записывать. Закончив, он любовно погладил книгу и пробормотал:

– Стендхаус, личная типография. В сопровождении Риттера и Хессе вернулся Белье. Инспектор был краток:

– Ритгер, направляйтесь на квартиру этого субъекта. Его звали Монти Фильд, он был адвокатом. Адрес:

Западный район, 75-я улица, дом № 113. Оставайтесь там, пока вас не сменят. Хватайте всех, кто явится.

Риттер козырнул, отчеканил: «Есть, инспектор!» – и удалился.

– Теперь вы, Хессе. С максимально возможной скоростью отправляйтесь на Чеймберс-стрит, 51, в контору этого господина, и дожидайтесь там моих приказаний. Попытайтесь войти внутрь. Если не получится, всю ночь стойте на посту у дверей.

– Будет сделано, инспектор.

Хессе исчез.

Квин обернулся. По его губам пробежала улыбка, когда он увидел широкую спину Эллери, склонившегося над телом.

– Что, Эллери, перестал доверять своему отцу? – сказал он с легкой укоризной. – Что ты там проверяешь и разыскиваешь?

Эллери улыбнулся в ответ и выпрямился.

– Я просто любопытен, вот и все. Есть кое-какие вещи, которые меня необычайно интересуют. К примеру, ты определял, какой был у него размер головы?

Он протянул отцу кусок бечевки с узелком. Бечевкой он разжился, развязав сверток с книгами.

Инспектор взял бечевку в руки, хмуро оглядел, подозвал полицейского, стоявшего поодаль и негромко отдал ему какой-то приказ. Полицейский взял бечевку и удалился.

– Инспектор?

Квин поднял глаза. Перед ним стоял Хагетрем со светящимся взором.

– Вот, я нашел кое-что за креслом Монти Фильда, когда собирал его бумаги. Она стояла за самой спинкой.

Он поднял в руке темно-зеленую бутылку, в каких обычно продают эль с джином. На пестрой этикетке было написано «Эль с джином высшего качества. Фирма Пейли». Бутылка была наполовину пуста.

– Ну, Хагетрем, с уловом! Давайте сюда! – сказал инспектор.

– Думаю, что это важная находка, сэр. Когда я нашел эту бутылку за сиденьем, мне стало ясно, что именно он, по всей видимости, пил из нее сегодня вечером. Утреннего спектакля сегодня не было, а уборщица прибирает в зале каждый день. Если бы убитый или кто-то, имевший к нему отношение, не поставил бы бутылку туда сегодня вечером, ее бы не было. Я подумал, что зацепил какую-то ниточку, и разыскал парня, который продает освежающие напитки в этой части зала. Разыскал и попросил продать мне бутылочку эля с джином. Но он сказал, – Хагетрем так и сиял, – что эль с джином у них в театре не продается.

– В этот раз вы действительно хорошо пораскинули моз-

гами, – похвалил инспектор. – Тащите парня сюда.

Едва Хагетрем ушел, перед инспектором появился маленький толстяк, разъяренный до крайности. Инспектор вздохнул. Вечерний гардероб толстяка был в беспорядке. Полицейский держал его за руку.

– Вы отвечаете за все происходящее здесь? – – Толстяк в своем неистовстве казался очень грозным, несмотря на метр шестьдесят роста.

– Да, отвечаю именно я, – с полной серьезностью произнес Квин.

– Тогда вам следует знать, – взорвался мужчина, – что.., эй, вы, ну-ка отпустите мою руку! Вы что, не слышите?.. Вам следует знать, сэр…

– Офицер, отпустите руку этого господина, – сказал инспектор полицейскому с еще большей серьезностью.

– ..Вы должны знать, что я считаю все происходящее здесь сегодня неслыханным скандалом. С тех пор, как был прерван спектакль, я уже целый час сижу с женой и дочерью на своих местах, а ваши подчиненные даже не разрешают нам вставать. Это просто неслыханно, сэр! Уж не кажется ли вам, что вы вправе держать здесь людей столько, сколько вам заблагорассудится? Только не думайте, что мы не наблюдаем за вами! Вы топчетесь на одном месте, дело не продвигается, а нам приходится сидеть и терпеть все это. Вот что я скажу вам, сэр. Если вы не разрешите мне и моей семье покинуть наши кресла в зале, я обращусь лично к окружному проку-

рору Сампсону, моему большому другу, и подам на вас жалобу.

Инспектор Квин некоторое время неприязненно рассматривал красное от злости лицо толстого маленького человека. Потом вздохнул и сказал строго:

– Дорогой мой! А вам не приходило в голову, что в то самое время, когда вы возмущаетесь из-за такой мелочи, кто-то, совершивший убийство, может находиться здесь, в зале, может быть, рядом с вашей женой и дочерью? И он точно так же, как и вы, хочет выйти отсюда. Если вы намерены жаловаться окружному прокурору, вашему большому другу, то я не могу вам препятствовать. Жалуйтесь, как только выйдете из театра. Но до этого момента я вынужден просить вас вернуться на свое место в зале и потерпеть, пока мы не разрешим вам уйти. Надеюсь, что выразился достаточно ясно.

Несколько зрителей на соседних креслах захихикали, явно радуясь посрамлению коротышки. Тот в бешенстве бросился прочь, по пятам преследуемый полицейским.

– Глупец, – пробормотал инспектор и повернулся к Велье. – Пойдите вместе с Панцером в кассу театра и попытайтесь выяснить, остались ли там непроданные билеты на следующие места…

Инспектор записал на обороте какого-то старого конверта номера кресел последнего и, предпоследнего рядов на левой стороне: ЛЛ 30, ЛЛ 28, ЛЛ 26, КК 32, КК 30, КК 28, КК 26. Конверт он отдал Велье. Тот ушел.

Эллери, который все это время стоял в бездействии, прислонившись к спинкам последнего ряда, и наблюдал за отцом, за публикой, а иногда обводил взглядом весь зал театра, шепнул на ухо инспектору:

– Я вот думаю – не странно ли, что во всем зале осталось нераспродано только семь мест, и все – в непосредственной близости от того, на котором сидел убитый. И это – при таком ажиотаже, который царит вокруг «Игр с оружием»?

– Когда это пришло тебе в голову, сын мой? – спросил Квин.

Эллери не ответил. Он в задумчивости постукивал по полу своей тросточкой. Инспектор позвал:

– Пиготт!

Детектив подошел.

– Пригласите сюда билетершу, которая дежурила в этом проходе, И портье – того пожилого мужчину, который стоит у входа в театр.

Пиготт ушел, а рядом с инспектором появился взмыленный молодой детектив. Он вытирал пот с лица носовым платком.

– Ну что. Флинт? – нетерпеливо спросил Квин.

– Я ползал по полу, как не ползает ни одна уборщица, и не нашел никакого цилиндра. Если вы думаете, что он где-то в этой части зала, то его чертовски хорошо спрятали.

– Ладно, Флинт. Ждите распоряжений.

Детектив отошел в сторону.

– Папа, ты и в самом деле думал, что он, поползав по залу, найдет цилиндр? – спросил Эллери.

Инспектор проворчал что-то неразборчивое и пошел к среднему выходу из зала. Он склонялся по очереди ко всем зрителям, которые сидели вдоль прохода, имевшего наклон к сцене, и задавал им вполголоса какие-то вопросы. Все головы в зале сразу повернулись к нему. Когда он с непроницаемым лицом вернулся к Эллери, ему откозырял полицейский, которого он куда-то посылал с куском бечевки.

– Какой размер? – спросил его инспектор.

– Продавец в магазине головных уборов сказал, что это размер 7/8.

Инспектор кивнул, отпуская полицейского. Вернулся Велье с озабоченным Панцером в кильватере. Эллери с живейшим интересом подался вперед, чтобы услышать новости. Квин-старший не шелохнулся, но на лице его отразилось напряженное внимание.

– Итак, Томас, – сказал он, – что тебе удалось выяснить в кассе?

– Только то, что семь билетов на места, которые вы мне написали, проданы, – сообщил Велье без всякого выражения в голосе. – Продавали их из кассы театра. Мистеру Панцеру не удалось установить, когда именно.

– Билеты, наверное, могли продать в кассах предварительной продажи, не так ли, Велье? – спросил Эллери.

– Я проверил, мистер Квин, – ответил Велье. – В кассах

предварительной продажи эти билеты не продавали. Я посмотрел по записям в книге. Они были проданы из театральной кассы здесь.

Инспектор Квин, как кажется, сохранял полное спокойствие, только в глазах у него появился странный блеск. Он помолчал и сказал:

– Другими словами, господа, дело обстоит так: было куплено семь билетов на соседние места, на пьесу, которая с самой премьеры идет при полном аншлаге. И все, кто их купил, как нарочно, забыли прийти на спектакль!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ, в которой «Пастор» испытывает затруднения

Наступила тишина. Четверо мужчин, постепенно представляя себе картину случившегося в целом, молча поглядели друг на друга. Панцер нервно кашлянул и шаркнул ногой. Лицо Велье выражало глубокую интеллектуальную сосредоточенность. Эллери отступил на шаг. Его отсутствующий взгляд поблуждал по комнате и остановился на серо-голубом галстуке отца. Инспектор Квин теребил кончик уса. Потом вдруг пожал плечами и повернулся к Велье.

– У меня есть для тебя довольно неприятное поручение, Томас, – сказал он. – Я бы хотел, чтобы ты взял полдюжины полицейских и занялся каждым присутствующим в театре по отдельности. Записывайте фамилию и адрес каждого, и больше ничего. Это довольно большая работа, на которую потребуется время, но боюсь, что она совершенно необходима. Да, кстати, Томас, когда ты проводил первый опрос в зале, ты поговорил хотя бы с одним из билетеров, в ведении которых находится балкон?

– Да, я даже нашел именно того, кто смог выдать мне всю информацию, – ответил Велье. – Это паренек, который стоит в партере у лестницы, ведущей на балкон, и проверяет билеты у тех, кто идет наверх. Фамилия этого юноши – Миллер. Он клянется, что абсолютно никто не проходил из партера

на балкон или с балкона в партер с того момента как поднялся занавес и начался второй акт.

– Значит, часть работы с тебя снимается, Томас, – сказал инспектор, который внимательно слушал. – Пусть твои люди пройдут только по ложам и по партеру. Запомни: мне нужны фамилия и адрес каждого. Всех без исключения. И еще, Томас…

– Да, инспектор, – обернулся Велье.

– Везде просите показать билет на то место, на котором сидит человек. Фамилию каждого, кто скажет, что потерял билет, отмечайте в списке. И в том случае, если у кого-то билет не на то место, на котором он сидит, Томас, отмечайте особо. Хотя такое, конечно, маловероятно. Как думаешь, справишься, мальчик мой?

– Разумеется, – ответил Велье, отправляясь выполнять задание.

Инспектор погладил седые усы и взял понюшку табаку.

– Эллери! – сказал он. – Вижу, тебе что-то не дает покоя. Давай, выкладывай»

– Хм… – начал Эллери, снял очки, протер их и проговорил:

– Мой высокоуважаемый отец, я мало-помалу прихожу к убеждению, что… Впрочем, не будем об этом. В этом мире нет и никогда не будет покоя для таких интеллектуалов, которые любят книги.

Он присел на подлокотник кресла, с которого еще недавно

смотрел спектакль покойный Монти Фильд, и меланхолически поглядел себе под ноги. Потом вдруг усмехнулся.

– Смотри, как бы тебе не повторить ошибку того старого мясника, который со своими сорока подмастерьями перевернул весь дом в поисках любимого ножа, не замечая, что все это время держал его в руках.

– Временами ты необыкновенно многословен, сын мой! – сказал инспектор в сердцах. – Флинт? Один из детективов подошел к инспектору.

– Вот что. Флинт, – сказал Квин, – нынче вечером у вас уже была веселенькая работенка, и я придумал для вас еще одну. Как думаете, можно ее взвалить на ваши плечи? Припоминаю, вы как-то на спортивном фестивале полиции приняли участие в соревнованиях штангистов.

– Верно, сэр, – ответил Флинт, широко улыбаясь. – Тяжести меня не пугают.

– Вот и чудесно, – продолжал инспектор, засунув руки в карманы брюк. – Вам предстоит сделать следующее: возьмите себе в помощь людей – бог мой, надо было брать с собой из управления всех, кто свободен – и тщательно обследуйте каждый квадратный метр в театре и вокруг него. Ищите билеты с оторванным контролем. Ясно? Когда закончите, все, что хотя бы отдаленно напоминает театральный билет или его обрывок, должно быть у меня. В первую очередь обыщите весь пол в зале, внимательно посмотрите в задней его части, на лестнице, в фойе, у выходов из театра – из кори-

доров в переулки, за кулисами, в мужском и дамском туалетах. Стоп, отставить. Позвоните в ближайший полицейский участок, пусть пришлют женщину-полицейского, в женском туалете она сделает это сама. Ясно? Флинт кивнул и удалился.

– Двинемся дальше. – Квин потер руки. – Мистер Панцер, не могли бы вы на минутку подойти ко мне? Очень любезно с вашей стороны, сэр. Боюсь, что сегодня вечером мы чересчур досаждаем вам, но тут уж ничего не поделаешь. Как я вижу, терпение у публики на пределе. Я был бы вам очень обязан, если бы вы вышли на сцену и попросили всех запастись терпением – ну и все такое прочее, что там еще можно сказать. Благодарю вас заранее!

Панцер поспешил к сцене по среднему выходу. Зрители хватали его за фалды фрака, пытаясь остановить. Детектив Хагстрем в нескольких шагах от инспектора делал ему знаки. Рядом с ним стоял невысокий паренек лет девятнадцати, который изо всех сил жевал резинку и явно нервничал, предвидя ожидающие его мучения. Он был одет в черную, расшитую золотом униформу, совершенно шикарную, но безвкусно дополненную манишкой со стоячим воротничком. На голове его красовалась шапочка, похожая на те, какие обычно носят посыльные в отелях.

– Это тот юноша, который сказал, что они в театре не продают эля с джином, – строго сказал Хагстрем, одновременно сжимая руку юноши, чтобы подбодрить его.

– Стало быть, не продаете, мальчик мой? – благожелательно спросил Квин. – Как же так? Почему же?

Юноша явно был перепуган до смерти. Глаза его так и бегали. Он то и дело, посматривал на Доила. Тот хлопнул его по плечу и сказал инспектору:

– Он немного робеет, но парень хороший. Я знаю его с детства. Вырос в моем районе. Отвечай же инспектору, Джесси…

– Ну, я не знаю, почему, сэр, – еле выдавил из себя парень, нервно переминаясь с, ноги на ногу. – Единственный напиток, который нам разрешается продавать в антрактах – это оранжад. У нас договор с фирмой… (и он назвал фамилию известного фабриканта, производившего прохладительные напитки). Он делает нам большую скидку, если мы торгуем только его продукцией. Так что…

– Понимаю, – кивнул инспектор. – Напитки продают только в антрактах?

– Да, сэр, – ответил парень, постепенно успокаиваясь. – Как только опустится занавес, открываются выходы из зала, а около них уже стоим мы с напарником. Заранее разворачиваем буфет и расставляем стаканы, в которые разливаем оранжад.

– Стало быть, вас двое?

– Нет, сэр, трое. Я забыл, в фойе торгует еще один парень.

– Хм… – Инспектор поглядел на него ласково. – Ну, мальчик мой, коли в Римском театре продают только оранжад, то

как ты объяснишь мне появление здесь бутылки эля с джином?

Инспектор жестом фокусника достал откуда-то снизу, из-за спинок кресел темно-зеленую бутылку, обнаруженную в зале Хагстремом. Юноша побледнел и закусил губу. Глаза его снова беспокойно забегали, как будто он искал, куда бы ему спрятаться. В конце концов он засунул большой палец за воротник и закашлялся.

– Ну, в общем… – Он явно мялся, не решаясь сказать.

Инспектор поставил бутылку на пол и оперся на спинку кресла, скрестив руки на груди.

– Как тебя зовут? – осведомился он.

Цвет лица юноши резко изменился: только что он был бледным как мел, а теперь на глазах пожелтел. Он опасливо поглядывал на Хагстрема, который демонстративно достал блокнот и с грозным видом приготовился записывать.

Юноша облизнул пересохшие губы.

– Линч. Джесс Линч, – сказал он хрипло.

– И где же ты разворачиваешь свой буфет в антрактах, Линч? – сурово спросил инспектор.

– Я… Вот здесь, как раз здесь, в левом коридоре, сэр, – пролепетал юноша.

– Ага! – нахмурился инспектор. – И сегодня вечером ты тоже продавал в левом коридоре напитки, Линч?

– Ну, в общем, да, сэр.

– Ив таком случае ты можешь нам сказать что-нибудь об

этой бутылке эля с джином?

Парень боязливо огляделся по сторонам, увидел далеко на сцене коренастую фигуру Луи Панцера, который как раз собирался сказать речь зрителям, наклонился к инспектору и прошептал:

– Да, сэр, мне знакома эта бутылка. Я не хотел об этом говорить, потому что мистер Панцер очень строг к тем, кто нарушает его инструкции. Он мигом вышвырнет меня, если узнает, что я сделал. Вы ведь не расскажете ему, сэр?

Инспектор, улыбаясь, ответил:

– Смелее, смелее, выкладывай, мой мальчик. Облегчи душу признанием. – Он откинулся на спинку кресла и сделал знак Хагстрему отойти.

– Все было так, сэр, – горячо принялся рассказывать Джесс Линч. – Я развернул свой буфет в коридоре, против выхода из зала, – эдак, примерно, за пять минут до конца первого акта, как, собственно, нам и положено. Когда билетерша открыла после первого акта дверь, я начал , громко предлагать выходящим зрителям напитки, – мы все так делаем. Многие люди у меня покупали, и мне некогда было смотреть по сторонам. Прошло некоторое время, толпа поредела, и я смог перевести дух. Тут ко мне подошел мужчина и сказал: «Я хотел бы бутылочку эля с джином, парень». Я поднял на него глаза. Такой расфуфыренный тип во фраке, уже слегка навеселе, судя по походке. Улыбался неизвестно чему и, казалось, был совершенно счастлив. Я еще подумал про

себя: «Ясно, теперь тебе еще и эля с джином!». Тут он хлопнул себя по карманам брюк и игриво подмигнул. Ну, и…

– Минуточку, мальчик мой, – перебил его Квин, – тебе уже когда-нибудь доводилось видеть мертвых?

– Нет, сэр. Но мне кажется, что я выдержу это зрелище, – волнуясь, сказал юноша.

– Вот и прекрасно! Посмотри – это тот самый человек, который просил у тебя эль с джином?

Инспектор взял юношу под руку, подвел к телу и заставил склониться над ним. Джесс Линч оглядел труп с каким-то благоговением, а потом энергично закивал.

– Да, сэр, это тот господин.

– Ты совершенно уверен в этом, Джесс? Юноша кивнул еще раз.

– Вот что я хочу знать: он был так же одет, когда заговорил с тобой?

– Да, сэр.

– Может быть, все-таки чего-то не хватает, Джесс? Эллери, который стоял неподалеку в темной нише, даже шагнул вперед.

Юноша недоуменно поглядел на инспектора, потом на труп, потом опять на Квина-старшего. Он молчал целую минуту, а оба Квина не спускали глаз с его губ. Затем лицо его просветлело и он воскликнул:

– Ну, разумеется! Конечно, сэр! У него была еще шляпа, такой блестящий цилиндр, когда он разговаривал со мной.

Инспектор Квин не скрывал своей радости.

– Продолжай,. Джесс… О, доктор Праути! Наконец-то вы до нас добрались! Что вас так задержало?

К ним подошел долговязый худой мужчина с черной сумкой в руках. Он курил устрашающих размеров сигару, совершенно игнорируя запреты пожарных, и вообще производил впечатление человека страшно занятого и делового.

– Скажете тоже, инспектор, – ответил он, ставя сумку на пол и пожимая руки Эллери и инспектору Квину. – Задержало… Вы же знаете, что я недавно переехал, и телефон мне еще не поставили. Пришлось отправлять посыльного. Сегодня у меня был тяжелый день. Я рано лег. Но я собрался быстро, как только мог. Где жертва?

Инспектор показал ему тело, распростертое на полу. Доктор опустился рядом на колени. Один из полицейских подошел, чтобы светить ему фонариком. Квин взял Джесса Линча за руку и отвел немного в сторону.

– Ну и что было после того, как он попросил у тебя эль с джином, Джесс?

Парень, который пребывал в некотором оцепенении, наблюдая за происходящим, сглотнул слюну и продолжал свое повествование:

– Ну, в общем, сэр, я ему сказал, конечно, что мы не продаем эля с джином, только оранжад. Он подошел поближе. Я почувствовал, что от него попахивает спиртным. Он подмигнул мне со значением и сказал: «Заработаешь полдолла-

ра, если принесешь мне бутылочку, парень! Я хочу выпить прямо сейчас». Ну, в общем, вы же знаете, что сегодня уже никто не дает чаевых… Короче, я ему сказал, что прямо сейчас не могу, но как только начнется второй акт, быстро сбегаю и куплю ему эту бутылочку:

Он сказал, где сидит и пошел обратно в зал, я сам видел. Как только антракт кончился и билетерши закрыли двери, я рванул через улицу в кафе.

– Ты обычно оставляешь в антракте свой буфет прямо в коридоре, Джесс?

– Нет, сэр. Перед самым закрытием дверей я свертываю торговлю и убираю буфет из коридора. Но поскольку этот человек сказал, что эль с джином ему нужен немедленно, я подумал, что мне лучше вначале сбегать за бутылочкой, – выйдет быстрее. Вернувшись, я убрал бы свой буфет, и никто бы мне ничего не сказал. Короче, я оставил прилавок в коридоре и побежал к «Либби». Купил бутылку эля с джином и принес под полой этому человеку. Он дал мне доллар на чай. Я подумал еще, что это весьма достойно с его стороны, потому что обещал он всего полдоллара.

– Ты очень хорошо все рассказал, Джесс, – с признательностью произнес инспектор. – Мне осталось выяснить только несколько частностей. Он сидел вот на этом кресле? Сюда тебе надо было прийти?

– О да, сэр. Он сказал: «ЛЛ 32, левая сторона». Именно здесь он и сидел.

– Прекрасно, прекрасно… – Инспектор помолчал, а потом быстро спросил:

– Тебе не бросилось в глаза, Джесс, один он был или с кем-то?

– Тут я точно уверен, сэр, – чуть ли не с радостью ответил юноша. – Он сидел совсем один, тут с краю. Мне это сразу бросилось в глаза, потому что зал у нас всегда переполнен с самой премьеры. Я удивился, сколько свободных мест.

– Это просто здорово, Джесс. Из тебя вышел бы хороший сыщик. А ты случайно не можешь мне сказать, сколько именно мест пустовало?

– Ну, сэр, было довольно темно, да и меня это особенно не интересовало. Думаю, где-то с полдюжины, некоторые в том же ряду, некоторые перед ним.

– Минуточку, Джесс.

Юноша испуганно обернулся, услышав за спиной низкий голос Эллери, и опять облизнул пересохшие губы.

– Когда ты отдавал ему бутылку, цилиндр был при нем? – спросил Эллери и коснулся тростью носка своего элегантного ботинка.

– Ну да… Да, сэр, – запинаясь, проговорил юноша. – Когда я отдавал ему бутылку, он держал цилиндр у себя на коленях. И еще при мне положил под кресло.

– Еще один вопрос, Джесс.

Юноша вздохнул с облегчением, стоило ему услышать спокойный голос инспектора.

– Как полагаешь, сколько времени тебе потребовалось, чтобы принести бутылку эля с джином? Хотя бы примерно? Как долго уже шел второй акт?

Джесс Линч на какую-то секунду задумался, а потом твердо сказал:

– Всего лишь десять минут, сэр. Нам всегда приходится следить за временем. Я знаю, что прошло десять минут, потому что как раз в этот момент, когда я вошел с бутылкой в зал, была сцена, когда гангстеры приводят девушку к себе и начинают пытать.

– Что за внимательный юный Гермес! – пробормотал Эллери и вдруг улыбнулся. При виде этой улыбки у юноши улетучились остатки страха. Он улыбнулся в ответ. Эллери загнул один палец и наклонился к нему.

– А скажи-ка мне, Джесс, во-первых, почему тебе понадобилось десять минут, чтобы перейти через улицу, купить бутылку эля с джином и вернуться назад? Ведь десять минут – это довольно долго, не так ли?

Юноша покраснел, как рак, и умоляюще посмотрел на инспектора.

– Ну, сэр, наверное, я просто задержался на несколько минут поболтать со своей подружкой.

– С твоей подружкой? – в голосе инспектора прозвучало некоторое любопытство.

– Да, сэр. С Элинор Либби. Ее отец – хозяин кафе напротив. Она.., она хотела, чтобы я постоял с ней за прилавком,

когда я пришел покупать эль с джином. Я сказал ей, что мне нужно вернуться в театр, но она отпустила меня только тогда, когда я дал слово, что сразу вернусь. Мы поговорили всего несколько минут, а потом я вдруг вспомнил про свой буфет, оставленный в коридоре.

– О буфете в коридоре? – с живым интересом спросил Эллери. – Ну конечно, Джесс, ведь твой переносный буфет остался в коридоре. Только не говори мне, что злая судьба заставила тебя туда вернуться, покинув подружку. Не поверю!

– А как же иначе?! – удивленно воскликнул юноша. – То есть я хочу сказать, что мы пришли оба, вместе с Элинор.

– Вот как? Вместе с Элинор, Джесс? – мягко, спросил Эллери. – И как долго вы оба были в театре?

Услышав этот вопрос, инспектор оживился. Глаза его заблестели. Он пробормотал что-то с явным одобрением и стал слушать ответ юноши.

– Ну, в общем, я хотел сразу забрать буфет, сэр. Но Элинор и я… В общем, мы разговаривали, и Элинор предложила не сворачивать буфет, а оставить в коридоре до следующего антракта… Я подумал, что это неплохая идея. Я бы тогда дождался до пяти минут одиннадцатого, когда кончается второй акт, разлил бы заранее по стаканам оранжад и был наготове, когда откроют двери на второй антракт. Таким образом мы так и остались в коридоре, сэр. Но никаких нарушений в этом не было, сэр. Я не хотел делать ничего, что не

полагается.

Эллери выпрямился во весь рост и внимательно посмотрел на юношу.

– Джесс, я бы хотел, чтобы ты сейчас все вспомнил максимально точно. Скажи, сколько было времени, когда ты появился с Элинор в коридоре?

– Ну… – Джесс почесал в затылке, – было примерно двадцать пять минут десятого, когда я отдал этому человеку его эль с джином, потом пошел в кафе к Элинор, оставался там несколько минут, а затем вернулся вместе с ней в театр. Было, должно быть, примерно девять тридцать пять, когда мы возвратились к моему буфету с напитками.

– Очень хорошо… А сколько было времени, когда ты снова ушел из коридора?

– Это было ровно в десять часов, сэр. Элинор посмотрела на свои часы, когда я спросил ее, не пора ли разлить по стаканам еще оранжаду.

– И ты не подозревал, что происходило в зале?

– Нет, сэр. Я ничего не слышал. Мы заговорились с Элинор. Я и понятия не имел, что там происходит, пока мы не подошли к выходу из зала и не увидели Джонни Чейза, билетера. Тот стоял там с таким видом, будто он часовой. Он сказал мне, что в зале произошел несчастный случай, и мистер Панцер поставил его на пост у входа в зал.

– Понимаю… – Эллери в некотором волнении снял очки. – Теперь будь внимательным, Джесс. За все это время,

которое ты провел вместе с Элинор, кто-нибудь входил в коридор или выходил из него? Юноша не задержался с ответом:

– Нет, сэр, никто.

– Спасибо, мальчик мой, – инспектор по-свойски хлопнул парня по плечу и отпустил жестом. Потом поглядел по сторонам, высмотрел, наконец, Панцера, чьи объяснения со сцены не возымели никакого действия на публику, и энергично помахал рукой, требуя подойти.

– Мистер Панцер! – строго сказал он. – Мне нужен график спектакля… Во сколько поднимают занавес в начале второго акта?

– Второй акт начинается ровно в 9.15 и кончается в 10.05 вечера, – последовал немедленный ответ директора.

– И сегодняшний спектакль тоже шел по этому расписанию?

– Ну конечно. Мы должны строго придерживаться графика: ведь готовится смена освещения, выход актеров на сцену и так далее.

Инспектор производил в уме какие-то вычисления.

– Стало быть, в 9.25 юноша видел Фильда еще живым, – пробормотал он себе под нос. – Мертвым же его нашли в…

Он стремительно повернулся и позвал полицейского Доила. Тот подбежал трусцой.

– Доил, – спросил инспектор, – вспомните-ка, когда этот Пьюзак подошел к вам и рассказал про убийство? Полицей-

ский почесал в затылке.

– Так сразу точно и не вспомнить, инспектор, – сказал он. – Помню только, что второй акт уже кончался, когда он пришел.

– Надо точнее, Доил, – раздраженно сказал Квин. – Где сейчас актеры?

– Я их собрал там, в задней части зала, – отвечал Доил. – Мы не знаем, что с ними делать.

– Приведите одного из них сюда, – распорядился инспектор.

Доил отправился выполнять приказ. Квин-старший поманил детектива Пиготта, который стоял в нескольких шагах от него вместе с какими-то мужчиной и женщиной.

– Это портье, Пиготт? – спросил Квин. Пиготт кивнул, и высокий тучный старик шагнул вперед, теребя в руках фуражку. Униформа сидела на нем несколько мешковато.

– Вы постоянно дежурите перед входом в театр? – спросил инспектор.

– Да, сэр, – ответил портье, продолжая терзать свой головной убор.

– Очень хорошо. А сейчас хорошенько подумайте, прежде чем ответить на мои вопросы. Кто-нибудь – не важно кто – выходил из зала в фойе, пока шел второй акт?

Инспектор напряженно ждал ответа, весь подавшись вперед. Прошла, наверное, минута, прежде чем старик ответил. Он сказал медленно, но твердо:

– Нет, сэр. Из зала никто не выходил. То есть никто, кроме парня, который торгует напитками.

– Вы все время были у входа? – спросил инспектор.

– Да, сэр.

– Ну, хорошо. Вспомните, а не входил ли кто-нибудь в зал во время второго акта?

– Да, Джесси Линч, тот самый парень – торговец напитками – входил после того, как второй акт начался.

– А еще кто-нибудь?

Все затихли, чтобы не мешать старику сосредоточиться. Он подумал с минуту, а потом обвел всех беспомощным взглядом и пробормотал:

– Не могу припомнить, сэр.

Инспектор недовольно глянул на него. Казалось, этот человек и взаправду так разволновался. Он весь вспотел, а краем глаза то и дело поглядывал на Панцера, словно опасался, что забывчивость может стоить ему места.

– Я действительно сожалею, сэр. Ужасно сожалею, – повторил портье. – Может, кто и входил, но память у меня уже не та, что в молодости. Я.., я уже не могу припомнить точно.

Лепет старика решительно прервал Эллери.

– И как долго вы уже служите здесь портье? Растерянный взгляд старика обратился к Эллери.

– Почти десять лет, сэр. Я не всегда работал портье. Только когда состарился и уже не мог делать ничего другого…

– Понимаю, – примирительно сказал Эллери. Он поколе-

бался немного, но все же решил продолжать свои расспросы. – Вы, человек, который так долго проработал портье, можете, наверное, упустить из вида что-то, что происходит во время первого акта. Знаете, суета, приезжают опоздавшие… Но ведь ко второму акту люди в театр приходят редко.; Я уверен – если вы хорошенько подумаете, то сможете так или иначе ответить на заданный вам вопрос.

Старик уже весь измучился.

– Я.., я уже не помню, сэр. Я мог бы утверждать, что никто не приходил, но может оказаться, что это и не так. Я просто не могу ответить.

– Ладно, – инспектор положил руку старику на плечо, – забудьте об этом. Может быть, мы требуем слишком много. Пока у нас вопросов больше нет.

Портье, шаркая ногами, ушел.

Явился Доил, ведя за собой высокого красивого мужчину в костюме из грубого твида, с остатками грима на лице.

– Инспектор, это мистер Пил, исполнитель главной роли в пьесе, – отрапортовал Доил.

Квин улыбнулся актеру и протянул ему руку.

– Очень рад познакомиться с вами, мистер Пил. Может быть, вы поможете нам уточнить одно обстоятельство.

– С удовольствием помогу, инспектор, – ответил сочным баритоном Пил. Он глянул на врача, который все еще занимался трупом, и брезгливо отвел взгляд.

– Я полагаю, что вы находились на сцене, когда в зале на-

чались крики и суматоха в связи с тем, что произошло, – начал инспектор.

– О, да. Все актеры, занятые в спектакле, как раз были на сцене. Что именно вас интересует?

– Вы можете назвать точное время, когда вы заметили, что в зрительном зале что-то не так?

– Да, могу. Это случилось примерно за десять минут до окончания второго акта – как раз кульминация всей пьесы. По роли я должен был выстрелить из пистолета. На репетициях эта сцена вызывала много споров, а потому сам момент я ни с чем не спутаю.

Инспектор кивнул.

– Большое спасибо, мистер Пил. Именно это я и хотел узнать… Пользуясь случаем, я хотел бы извиниться за то, что мы обошлись столь бесцеремонно с вами, актерами. У нас просто было множество хлопот и не нашлось времени, чтобы организовать все более подобающим образом. Вы и все остальные актеры можете быть свободны и пройти к себе в гримуборные за сценой. Разумеется, вы не должны пытаться покинуть театр, пока вам это не будет разрешено.

– Я все понимаю, инспектор. Меня радует, что я смог помочь вам.

Пил поклонился и ушел.

Инспектор, погрузившись в раздумье, оперся на спинку соседнего кресла. Эллери, который стоял с ним рядом, с отсутствующим видом протирал стекла пенсне. Отец много-

значительно подмигнул ему.

– Ну что, Эллери? – негромко спросил он.

– Это элементарно, мой дорогой Ватсон, – отозвался Эллери. – Нашего достопочтенного покойника видели в последний раз живым в 9.25, а примерно в 9.55 он был при смерти. Вопрос: что произошло в этот промежуток времени? До смешного простой вопрос.

– Язык у тебя без костей, – вздохнул инспектор Квин. – Пиготт!

– Да, сэр.

– Это что, билетерша? Надеюсь, она поможет сдвинуть дело с мертвой точки.

Пиготт отпустил руку молодой дамы, стоявшей рядом с ним. Она была броско накрашена и улыбалась, демонстрируя ровные белые зубы. Будучи отпущена, она грациозно прошла вперед и с вызовом глянула на инспектора.

– Вы билетерша, и постоянно дежурили в этом проходе, мисс… – добродушным тоном начал инспектор.

– Мисс О'Коннел. Мадж О'Коннел. Да, я билетерша! Инспектор галантно взял ее под руку.

– Боюсь, что мне придется просить вас быть столь же любезной, сколь вы бойки, милая моя, – сказал он. – Пройдемте на минуточку сюда.

Лицо девушки сделалось бледным, как мел, когда она дошла до ряда ЛЛ.

– Прошу прощения, доктор. Не могли бы вы на минутку

прерваться?

Доктор Праути немного рассеянно взглянул на них.

– Да, пожалуйста, инспектор, я почти закончил. Он встал и отступил в сторону, покусывая кончик сигары.

Квин наблюдал за лицом девушки, когда та наклонилась над мертвым телом. Она затаила дыхание.

– Вспомните, указывали ли вы сегодня этому мужчине его место, мисс О'Коннел?

– Вероятно, да. Однако сегодня у меня, как обычно, была масса хлопот. Мне надо было рассадить двести зрителей, за которых я отвечаю. А потому конкретно его определенно припомнить не могу.

– Но вы, по крайней мере, помните, были ли вот эти места, которые сейчас пустуют, незанятыми на протяжении всего первого и второго актов?

Инспектор указал на семь свободных кресел.

– Ну, мне кажется, я припоминаю… Они мне бросились в глаза, когда я ходила мимо… Нет, сэр. Мне кажется, что сегодня на этих местах никто не сидел.

– А во время второго акта кто-нибудь проходил по этому проходу, мисс О'Коннел? Вспомните точно. Очень важно знать правду.

Девушка снова поколебалась, но потом дерзко поглядела в каменное лицо инспектора.

– Нет, я не видела, чтобы кто-то ходил по проходу. – И тут же поспешила добавить:

– Едва ли я могу много сказать вам. Мне про всю эту историю ничего не известно. Я зарабатываю свои деньги в поте лица, и…

– Ну ладно, ладно, милая моя, все это мы понимаем. Скажите, а где вы обычно стоите, когда всех рассадите? Девушка указала на начало прохода.

– Вы находитесь там на протяжении всего второго акта, мисс О'Коннел? – вкрадчиво спросил инспектор.

Та облизнула пересохшие губы, прежде чем дать ответ.

– Ну… Да, была. В самом деле, за весь вечер я не заметила ничего необычного.

– Очень хорошо. – Голос Квина зазвучал мягко, почти что нежно. – У меня все.

Девушка удалилась мелкими и быстрыми шажками. Позади инспектора произошло какое-то движение. Квин обернулся и оказался лицом к лицу с доктором Праути, который выпрямился во весь рост и как раз закрывал свою сумку. Доктор невесело посвистывал.

– Ну, док, я вижу, вы готовы. Каков будет вердикт?

– Он будет краток, инспектор. Этот человек умер примерно два часа назад. Относительно причины смерти я некоторое время испытывал сомнения, но теперь уверен, что это – яд. Все признаки указывают на алкогольное отравление – вы, наверное, обратили внимание на синюшный цвет кожи. А понюхали, как от него пахнет? Несет самой отвратной сивухой, какую только приходилось мне нюхать в жизни. Пьян

был, похоже, в стельку. Разумеется, это не обычное алкогольное отравление – если бы только оно, он бы не кончился так быстро. Вот и все, что я могу сказать в данный момент.

Он принялся застегивать пальто.

Квин извлек из своей сумки обернутую в носовой платок бутылку и передал доктору Праути.

– Это – бутылка покойного, док. Исследуйте, пожалуйста, для меня ее содержимое. Но займитесь этим, пожалуйста, только после того, как Джимми внизу в лаборатории посмотрит отпечатки пальцев. И потом… Погодите-ка немного!

Инспектор взял на ковре в углу еще одну полупустую бутылку эля с джином. – Исследуйте для меня и это, доктор!

Доктор Праути аккуратно поставил в свою сумку обе бутылки, а потом надел шляпу.

– Хорошо. Итак, я откланяюсь, инспектор, – сказал он неторопливо. – Когда проведу вскрытие, напишу для вас подробный отчет. Тогда картина у вас будет пояснее. Впрочем, катафалк для перевозки тела, должно быть, уже ждет внизу. Я позвонил и вызвал его еще на пути сюда. Ну, пока.

Стоило доктору Праути уйти, как тут же появились два санитара в белом с каталкой. По знаку Квина они взяли тело, подняли и уложили на каталку, накрыли простыней и быстро повезли к выходу. Детективы и полицейские, стоявшие у дверей, с облегчением наблюдали, как увозят зловещий груз. Главная часть работы на сегодняшний вечер для них уже была закончена. Публика, шурша программками и газетами,

покашливая, вертя головами и судача, с интересом наблюдала, как без пышных церемоний из зала отбывает покойный.

Едва усталый инспектор Квин обернулся к Эллери, как в правой части зала вдруг возникла легкая суматоха. Люди повскакивали со своих мест, чтобы увидеть, что происходит. Полицейские принялись призывать публику к порядку. Квин что-то коротко сказал полицейскому в форме, который стоял рядом с ним. Вскоре показались двое полицейских, которые вели под руки какого-то отчаянно вырывавшегося субъекта. Они доволокли его до конца левого прохода и насильно поставили по стойке «смирно».

Человек, которого они держали, был невысок, и вообще походил на, небольшую: крысу. Он был одет в отвратительный костюм массового пошива. На голове у него красовалась черная шапочка – из тех, что носят некоторые сельские священники. Рот у мужчины безобразно искривлялся и непрерывно извергал чудовищные проклятия. Но стоило инспектору взглянуть на него, как он тут же перестал сопротивляться.

– Мы задержали этого человека, когда он пытался ускользнуть через боковой выход на той стороне, инспектор, – запыхавшись, доложил один из полицейских, не переставая немилосердно встряхивать попавшую к нему в руки добычу.

Инспектор хихикнул, извлек из кармана табакерку, взял свою обычную понюшку табаку и, весь сияя, поглядел на

сжавшегося и стихшего мужчину.

– Прекрасно, прекрасно. Пастор, – сказал он задушевно. – Действительно мило с твоей стороны появиться в столь подходящий момент!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ, в которой много званых, но лишь двое избранных

Многие люди слишком слабы, чтобы выносить вид скулящего и ноющего собрата. Он вызывает у них сострадание. Эллери был единственным из всего молчаливого круга собравшихся посмотреть спектакль, который разыгрывался типом по кличке «Пастор», кто относился к лицедею равнодушно, даже с отвращением.

Услышав ехидное замечание старшего Квина, Пастор резко выпрямился, глянул ему в глаза и вновь принялся отчаянно вырываться из рук полицейских, которые крепко его держали. Он строил рожи, плевался, изрыгал проклятия, но в конце концов стих и даже, кажется, перестал дышать. Его бесчинства привлекли внимание еще нескольких полицейских. Они подошли и совместными усилиями уложили его на пол. Оказавшись на полу, Пастор вдруг весь обмяк и съежился, будто шарик, из которого выпустили воздух. Полицейские без лишних церемоний снова поставили его на ноги, и он спокойно стоял теперь, опустив глаза и держа в руках свою шапочку.

– Вот что, Пастор, – сказал инспектор таким тоном, каким родители разговаривают с капризным ребенком, только что закатившим истерику, – ты же знаешь, что подобные штучки на меня не действуют. Ты что, забыл нашу последнюю встре-

чу у реки?

– Отвечая, когда тебя спрашивают! – прикрикнул на него полицейский и ткнул под ребро кулаком.

– Я вообще ничего не знаю, а кроме того, и не обязан ничего говорить, – пробормотал себе под нос Пастор и переступил с ноги на ногу.

– Ты удивляешь меня, Пастор, – отечески сказал Квин; – Я ведь и не спрашиваю у тебя, что ты знаешь, а что – нет.

– Вы не имеете права задерживать невинного человека! – возмущенно воскликнул Пастор. – Что я, хуже всех остальных, здесь сидящих? Я купил себе билет и заплатил за него наличными. К чему тогда все это? Почему мне мешают идти домой?

– Вот, значит, как. Стало быть, ты купил билет? – спросил инспектор, покачиваясь на каблуках. – Ну, хорошо. А как насчет того, чтобы достать его и показать папаше Квину?

Рука Пастора с поразительной быстротой и ловкостью скользнула в боковой карман пиджака. Лицо его вдруг побледнело, и он медленно достал руку. Никакого билета в ней не было. Ворча, он принялся обшаривать все остальные карманы, чем только развеселил инспектора.

– Черт подери! Что за напасть такая! Всю жизнь храню билеты при себе до конца – и надо же, именно в этот раз выбросил. Весьма сожалею, инспектор.

– Вот и славно, – сказал Квин. Лицо его враз посуровело. – Бросай свои выходки, Казанелли. Что ты сегодня вече-

ром делал здесь, в театре? И почему вдруг решил смыться? Отвечай же!

Пастор огляделся. Его крепко держали двое полицейских. Вокруг стояло несколько мужчин, не настроенных шутить. Шансов убежать, считай, не было. Лицо Пастора в очередной раз изменило свое выражение. Теперь на нем были написаны совершенная невинность и благочестие, словно у настоящего пастора. Маленькие глазки его зажглись неземным светом, как будто он был христианский мученик в окружении злобных судей-язычников. Надо сказать, что Пастор уже не раз с успехом использовал подобный трюк.

– Инспектор, – сказал он, – вы же знаете, что не имеете права хватать меня без всяких на то законных оснований, не так ли? У каждого, к тому же, есть право пригласить адвоката, или как? Уверен, что есть!

И он гордо замолчал. Инспектор смерил его любопытным взглядом.

– Когда ты в последний раз видел Фильда? – спросил он.

– Фильда? Уж не имеете ли вы в виду Монти Фильда? Никогда в жизни не слыхал о нем, инспектор, – ответил Пастор довольно неуверенно. – Интересно, что это вы мне хотите пришить…

– Ничего, Пастор, ровным счетом ничего. Но пока ты не пожелаешь ответить, нам придется держать тебя и не пускать: а вдруг ты все-таки надумаешь сказать нам что-нибудь. И не забывай, Пастор, что по-прежнему существует одно

небольшое дельце о краже шелка, которое можно копнуть и поглубже. – Он обратился к одному из полицейских. – Офицер, проводите нашего друга в приемную перед кабинетом директора и составьте ему там компанию на некоторое время.

Эллери, задумчиво наблюдавший за тем, как уводят Пастора, был просто поражен, когда отец его проговорил вполголоса:

– Не сильно-то он умен, этот Пастор. Допустить такой прокол!

– Будь благодарен за такой подарок судьбы, – улыбаясь, сказал Эллери. – Одна ошибка потянет за собой двадцать.

Инспектор повернулся к Велье, который как раз подошел с пачкой листков.

– О, вот и Томас вернулся. – Инспектор, кажется, окончательно пришел в хорошее расположение духа. – И что же ты выяснил, Томас?

– Ну, сэр, трудно сказать так сразу, – ответил сержант, поглаживая пальцами край бумажной пачки. – На этих листках только половина списка, вторая половина еще не готова. Но я думаю, что даже здесь вы найдете для себя кое-что интересное.

Он передал Квину листки, на которых были наскоро записаны фамилии и адреса. Это был составленный по приказу инспектора список зрителей. Квин-старший и Эллери быстро пробежали его глазами. Они дошли уже до середины, ко-

гда инспектор запнулся на одной из фамилий. Он прочитал ее еще раз, а затем озадаченно поглядел на Велье.

– Морган… – задумчиво повторил он. – Бенджамин Морган… Что-то очень знакомое. Томас, тебе о чем-нибудь говорит это имя?

Велье только усмехнулся.

– Я так и знал, что вы спросите, инспектор. Бенджамин Морган два года назад был партнером Монти Фильда: содержал вместе с ним адвокатскую контору.

Квин покивал. Все трое обменялись многозначительными взглядами. Потом инспектор произнес:

– Боюсь, что нам придется заняться мистером Морганом.

Он вздохнул и снова принялся читать список. Прочитывал каждую фамилию по отдельности, задумчиво поднимал взгляд, покачивал головой и читал дальше. Велье, который знал, как славится Квин своей великолепной памятью на людей, наблюдал за ним с великим почтением. Наконец инспектор отдал ему все листки обратно.

– Прежде чем ты закончишь вторую половину списка, Томас, попроси Моргана зайти в кабинет Панцера, – сказал Квин. – Не нагоняй на него страха и позаботься, чтобы он нашел свой билет еще до того, как будет в кабинете.

Велье ушел.

Инспектор знаком подозвал к себе Панцера, наблюдавшего за работой полицейских. Директор театра поспешил к нему.

– Мистер Панцер, – спросил его Квин, – когда уборщицы обычно начинают свою работу?

– Они уже давно пришли, инспектор, и ждут. В большинстве театров убирают рано утром, но я хочу, чтобы мой персонал приходил сразу же после вечернего спектакля. А что вы задумали?

– Я хочу попросить вас вот о чем, мистер Панцер, – спокойно продолжал Квин. – Распорядитесь, пожалуйста, чтобы уборщицы сегодня вечером, когда все уйдут, поработали особенно тщательно. Пусть соберут и сохранят все, что найдут. Абсолютно все, даже то, что может им показаться совсем незначительным. А особо пусть обратят внимание на обрывки билетов. Как, вы можете им доверять?

– О! Целиком и полностью! Они работают в этом театре с момента его открытия. Можете быть уверены, они ничего не проглядят. А что мне потом делать с этим мусором?

– Аккуратно упаковать и прислать мне завтра в управление с надежным человеком. – Инспектор помолчал. – Мистер Панцер, мне бы хотелось, чтобы вы поняли, насколько важно это задание. Оно значительно важнее, чем может показаться. Вы понимаете это?

– Конечно, конечно! – И Панцер бросился отдавать распоряжения.

К инспектору подошел детектив с седыми висками. В руке у него была пачка бумаг.

– Сержант Велье поручил мне отдать, вам этот список. Он

говорит, что здесь имена и адреса остальных зрителей, инспектор.

Квин взял листки с явным нетерпением. Он провел по столбцам фамилий пальцем. Дойдя почти до самого низа последнего листа, он улыбнулся, торжествующе глянул на Эллери, а потом дочитал фамилии на листке до конца. Повернулся и что-то прошептал на ухо сыну. Эллери кивнул, глаза его загорелись. Инспектор обратился к детективу, который ожидал рядом:

– Джонсон, – сказал он, разглаживая страницы, – мне бы хотелось, чтобы вы нашли Велье и попросили его подойти ко мне. Потом найдите вот эту женщину, – инспектор указал пальцем на фамилию и номер кресла в списке, – и проводите ее в кабинет директора. Вы застанете там некоего Моргана. Оставайтесь с ними, пока не получите дальнейших распоряжений. Если они станут разговаривать между собой, постарайтесь запомнить содержание их беседы. С женщиной обойдитесь предельно вежливо.

– Есть, сэр. Велье еще поручил сообщить вам, что он отделил в особую группу тех зрителей, у которых не оказалось билетов. Он хочет знать, что ему с ними делать.

– А их имена есть в этих двух списках, Джонсон? – спросил инспектор, протягивая детективу пачку листков для передачи Велье.

– Да, сэр.

– Тогда скажите Велье, пусть отпускает их, но лишь по-

сле того, как составит специальный список с их фамилиями. Мне вовсе не обязательно смотреть на них, или разговаривать с ними.

Джонсон козырнул и исчез.

Квин начал о чем-то вполголоса беседовать с Эллери, который явно был обеспокоен. Их прервал вернувшийся Панцер.

– Инспектор… – директор театра вежливо кашлянул.

– Ах, это вы, Панцер, – сказал инспектор, быстро оборачиваясь. – С уборщицами все в порядке?

– Да, сэр. Есть ли еще что-нибудь, что я мог бы сделать для вас? Но.., впрочем, я надеюсь, вы простите мне этот вопрос… Сколько еще придется ждать публике? Многие люди настойчиво спрашивают. Надеюсь, все кончится спокойно, но…

Смуглое лицо директора заливал пот.

– О! Не берите в голову, Панцер. Скоро их ожидание кончится. Я как раз собирался отдать приказ своим людям отпустить публику. Но прежде чем зрители покинут театр, у них появится еще один повод для жалоб, – добавил инспектор с хмурой усмешкой.

– Вот как?

– Да, именно так. Им придется пройти обыск. Без сомнения, многие будут протестовать. Вам будут грозить судом, размахивать кулаками перед вашим носом, но это не должно вас особенно беспокоить. За все, что происходит здесь

сегодня вечером, отвечаю я. Я же позабочусь о том, Чтобы спасти вас от их гнева… Нам теперь нужна женщина – помочь моим людям при обыске. Одна служащая полиции у меня есть, но она уже занята внизу. Вы не могли бы найти надежную женщину, лучше в возрасте, которая не возражали бы против участия в этом неблагодарном деле и держала бы язык за зубами?

Директор немного подумал.

– Полагаю, у меня есть подходящий человек для вас. Ее зовут миссис Филипс, она наша гардеробщица. Прекрасно подойдет для выполнения этой задачи.

– Замечательно! – с облегчением сказал Квин. – Сейчас же приведите ее и поставьте у главного выхода. Сержант Велье даст ей необходимые указания.

Велье подошел как раз в это время и услышал последние слова инспектора. Панцер поспешил вниз по проходу куда-то к ложам.

– Ты нашел Моргана? – спросил Квин.

– Да, инспектор.

– Хорошо, тогда следующее поручение, и после этого ты свободен, Томас. Я хочу, чтобы ты наблюдал за тем, как будут проходить обыск люди, которые сидели в партере и в ложах. Выпускай их строго по одному. И пусть обыскивают основательно. Все должны выходить через главный вход. Чтобы это было наверняка, предупреди людей, которые дежурят у боковых выходов из зала. Заворачивайте всех, кто попыта-

ется выйти. Велье кивнул.

– Теперь – что касается обыска. Пиготт!

Детектив подошел.

– Пиготт, ваша задача – сопровождать мистера Квина и сержанта Велье. Обыск проводите внимательно. Ищите все, что может быть подозрительным. Собирайте все билеты. И особенно обратите внимание, если у кого-нибудь окажется лишняя шляпа. Шляпа, которая нужна мне, – шелковый цилиндр. Но если у кого-нибудь будет два головных убора, даже другого фасона, позаботьтесь его задержать. Итак, принимайтесь за дело!

Эллери последовал за Пиготтом. Когда к ним присоединился Велье, Квин-старший крикнул вслед:

– Разрешите зрителям спускаться с балкона только тогда, когда в партере уже никого не останется. Пошлите туда кого-нибудь: пусть успокаивает и поддерживает порядок.

Дав это последнее важное указание, инспектор повернулся к Дойлу, который стоял поблизости, и сказал:

– Быстренько бегите в гардероб, Доил, мальчик мой, да смотрите там во все глаза, как люди будут получать свои вещи. Когда все уйдут, внимательнейшим образом все обыщите. Если что-нибудь останется невостребованным, принесите это мне.

Оставшись в одиночестве, Квин прислонился к колонне, которая, словно мраморный страж, возвышалась возле того места, где произошло убийство. Он стоял с отсутствующим

взором, держа руки за спиной, когда к нему подбежал широкоплечий Флинт с блестящими от волнения глазами.

– Что-нибудь нашли, Флинт? – спросил инспектор, шаря в кармане в поисках своей табакерки.

Детектив молча протянул ему билет с оторванным контролем. Билет был синего цвета, с надписью: «ЛЛ 30, левая сторона».

– Отлично! – воскликнул Квин. – Где вы это нашли?

– Прямо напротив главного входа в зал, – сказал Флинт. – Похоже, что владелец билета бросил его сразу же, как прошел контроль и оказался в зале.

Квин достал из своего кармана билет, найденный им у Монти Фильда, и принялся сравнивать его с тем, что принес Флинт. Билеты на соседние места были одного цвета и с почти одинаковыми надписями. На одном – «ЛЛ 30, левая сторона», на другом – «ЛЛ 32, левая сторона». Квин пристально всматривался в эти билеты, которые, казалось, не представляли собой ничего особенного. Он сосредоточенно склонился над ними и приложил друг к другу обратными сторонами. Нахмурился. Попытался приложить лицевыми. Потом обратную сторону одного билета приложил к лицевой другого.

Ни в одном из трех случаев линия, по которой был оторван контроль, у билетов не совпадала.

ГЛАВА ПЯТАЯ, в которой инспектор Квин проводит ряд серьезных бесед

Квин надвинул шляпу на глаза и пошел по широкому красному ковру, который покрывал за последним рядом кресел заднюю часть зала. На ходу он пытался отыскать в кармане брюк свою неизменную табакерку. В другой руке он все еще держал два синих театральных билета, а на лице его было написано все что угодно, только не удовлетворенность достигнутым.

Прежде чем открыть дверь с зеленой обивкой, на которой красовалась табличка «Кабинет директора», он оглянулся и обвел взглядом зрительный зал. Здесь по-прежнему царила сутолока, но в ней уже чувствовался определенный порядок. Полицейские и детективы проходили между кресел, давали указания, отвечали на вопросы, поднимали людей с их кресел и выстраивали в очередь в центральном проходе. Очередь кончалась у массивных дверей главного входа в зал, где шел обыск. Инспектор мимоходом отметил, что он не вызвал у зрителей особо сильного протеста. Они, казалось, чересчур устали, чтобы возмущаться.

Женщин – кого-то из них подобная неприятная процедура рассердила, а кого-то просто позабавила – быстро, но по-матерински заботливо обыскивала миссис Филипс, пожилая дама в черном.

Квин посмотрел на детективов у центрального входа. Пиготт, обладавший многолетним опытом, стремительными легкими движениями ощупывал одежду мужчин.

Велье, стоявший рядом, примечал, кто как реагирует на предстоящий обыск. Время от времени он сам обыскивал тех, кто вел себя неестественно. Эллери, находившийся немного поодаль, курил, засунув руки в карманы своего широкого пальто. Складывалось впечатление, что происходящее его совершенно не интересует, и он всецело поглощен размышлениями об упущенной возможности приобрести первое издание Фальконе. Инспектор вздохнул и открыл дверь с табличкой.]

Маленькая приемная перед директорским кабинетом была отделана дубом и бронзой. У стены, утопая в мягком кожаном кресле, с совершенно безучастным видом курил сигарету Пастор Джонни. Рядом с его креслом стоял полицейский, положив на плечо Пастору свою внушительную ручищу.

– Следуй за мной, Пастор, – сказал инспектор, проходя мимо.

Маленький гангстер ловким щелчком отправил окурок в урну и поспешил за Квином, неотступно преследуемый дюжим полицейским.

Обстановка директорского кабинета говорила о незаурядном вкусе Луи Панцера. Светло-зеленая лампа освещала украшенный резьбой письменный стол. Стулья и клуб-

ные столики для курения, изящная вешалка, обтянутый шелком диван – все было изысканно и умело расставлено. В отличие от кабинетов большинства театральных директоров, здесь отсутствовали фотографии звезд сцены, известных менеджеров, режиссеров и меценатов. Зато стены украшали великолепные эстампы, большой гобелен и картина, принадлежащая кисти Констебля.

Но инспектора, стоявшего на пороге, интересовало вовсе не художественное убранство директорского кабинета. Он рассматривал шестерых людей, ожидавших его здесь. Рядом с детективом Джонсоном сидел одетый в безупречно сшитый фрак склонный к полноте мужчина средних лет, с умным взглядом; вид у него был слегка растерянный. Чуть поодаль от них располагались еще четверо. Красивая девушка в простом вечернем платье и в накидке, подняв глаза? слушала симпатичного молодого человека в отличном фраке, который, склоняясь над спинкой ее кресла, что-то серьезно говорил ей. Две женщины рядом с девушкой тоже подались в своих креслах вперед, чтобы слышать, о чем идет речь.

Полноватый мужчина не интересовался их беседой и вообще держался особняком. Едва вошел инспектор, как он встал и вопросительно посмотрел на него. Разговор тоже сразу прекратился. Все взоры устремились на Квина. Недовольно покашливая, Пастор Джонни, по-прежнему сопровождаемый полицейским, быстро пересек кабинет в сопровождении полицейского и уселся в противоположном углу. Похо-

же, великосветское общество, в котором он оказался, произвело на него угнетающее впечатление.

Квин расположился за письменным столом так, чтобы видеть всех в кабинете. Затем знаком подозвал Джонсона.

– Кто эти трое, которых вы привели сюда без моих указаний? – еле слышно спросил он детектива.

– Вон тот, постарше – Морган, – так же тихо ответил Джонсон. – Красавица рядом с ним – та дама, которую вы велели пригласить. Когда я нашел ее в зале, она была вместе с этим парнем и женщинами. Все четверо, сдается мне, приятели. Я передал ей вашу просьбу, она занервничала, но встала и пошла за мной. Остальные пошли тоже. Я не знал, как с ними поступить, а потом подумал – вдруг вам захочется поглядеть и на них, инспектор…

Квин кивнул.

– Удалось узнать что-нибудь интересное из разговоров? – продолжил он расспросы.

– Ровным счетом ничего. Пожилой, кажется, никого здесь не знает. А другие только и делают, что удивляются, почему вам заблагорассудилось поговорить именно с этой юной дамой.

Инспектор указал Джонсону на кресло в углу и обратился к собравшимся в кабинете.

– Я пригласил двоих из вас для небольшой беседы, – сказал он приветливо. – Поскольку же остальные пришли сюда по своей воле, им придется ждать, не сетуя. А сейчас я вы-

нужден просить всех вас выйти в приемную, пока я не разберу одно дельце с этим вот господином.

Он кивнул на гангстера, явно задетого пренебрежительным тоном инспектора.

Двое мужчин и трое женщин вышли, оживленно разговаривая. Джонсон закрыл за ними дверь. Квин стремительно повернулся к Джонни.

– Тащи сюда эту крысу! – скомандовал он полицейскому. Тот без церемоний поднял Пастора Джонни и поставил на ковер перед письменным столом.

– Вот ты мне и попался, Пастор. Давно я хотел до тебя добраться, – с угрозой проговорил Квин. – Наконец-то мы можем мило поговорить и никто нам не помешает. Ясно?

Пастор не ответил. Глаза его злобно поблескивали.

– Итак, ты ничего не скажешь, Джонни? И чего ты добьешься таким образом? Думаешь, долго сможешь играть в молчанку?

– Я ведь уже сказал вам – ничего не знаю, а кроме того, ничего не стану говорить без своего адвоката, – упрямо заявил гангстер.

– Твоего адвоката? Прошу прощения, Пастор. А кто же твой адвокат? – смиренно осведомился инспектор.

Пастор прикусил язык и замолчал. Квин повернулся к Джонсону.

– Джонсон, мальчик мой, вы ведь работали над этим делом о нападении на «Вавилон»? – спросил он.

– Было такое, шеф, – ответил детектив. – Работал.

– За это нападение, – ласково пояснил Квин гангстеру, – ты схлопотал год. Припоминаешь, Пастор? По-прежнему ни слова в ответ.

– Джонсон, – продолжил инспектор, откидываясь на спинку кресла, – помогите-ка мне освежить память. Кто тогда был адвокатом Пастора?

– Фильд! – воскликнул Джонсон и уставился на Пастора с некоторым удивлением.

– То-то и оно. Тот милый господин, который сейчас лежит на холодном столе в морге. Что скажешь, Пастор, по этому поводу? Хватит ломать комедию! Надеюсь, ты не будешь врать, что не знаком с Монти Фильдом? Стоило мне назвать фамилию, как ты сразу же назвал имя. Говори же, наконец, все, что знаешь.

Гангстер с наигранным отчаянием привалился к полицейскому, облизнул губы и сказал:

– Ваша взяла, инспектор. Вы меня поймали. Но я… Я совершенно ничего не знаю про эту заварушку здесь, в театре. Честно. Я уже месяц как не видел Фильда. Не видел! Бог мой, уж не хотите ли вы повесить на меня это дело?

Он с опаской поглядел на Квина. Полицейский встряхнул его и поставил прямо.

– Эх, Пастор, Пастор, – сказал Квин. – Как ты любишь делать преждевременные выводы. Мне всего-то нужна от тебя маленькая информация. Нет, если ты, конечно, желаешь

признаться в убийстве, то я приглашу своих людей, мы снимем твои показания и отправимся по домам спать. Звать?

– Нет! – закричал гангстер и отчаянно махнул рукой. Полицейский умело поймал ее и заломил за спину, – Как это вам только в голову такое пришло? Мне вообще не в чем признаваться. Я ничего не знаю. Я не видел Фильда сегодня вечером, я даже не знал, что он здесь. Признаться.., как же! У меня есть несколько очень и очень влиятельных друзей. Вы ничего не сможете мне пришить, это я вам обещаю, инспектор!

– Весьма сожалею, Джонни, – вздохнул инспектор, беря понюшку табаку. – Ну, хорошо. Ты не убивал Монти Фильда. Во сколько ты сегодня пришел сюда и где твой билет?

Пастор повертел в руках шляпу.

– Я до сих пор ничего не говорил, инспектор, потому что мне казалось, что вы под меня копаете. Я могу объяснить, как и когда я здесь появился, – комар носа не подточит. Это было примерно в половине девятого. Я прошел по контрамарке. Вот она, надорванная билетершей.

Квин взял протянутую Пастором синюю контрамарку и, бегло осмотрев, сунул к себе в карман.

– А откуда вы взяли эту контрамарку, Джонни?

– Я… Мне дала ее моя подруга, инспектор, – нервно ответил гангстер.

– Ага! На сцене появляется женщина! – довольно сказал Квин. – И как же зовут эту юную Цирцею, Джонни?

– Кого-кого? Ну, в общем, она… Эй, инспектор, послушайте! Ведь вы не устроите ей никаких неприятностей? Она – приличная девушка, а кроме того – тоже ничего не знает. Честное слово, я…

– Ее имя? – перебил Пастора Квин.

– Мадж О'Коннел, – жалобно произнес Джонни. – Она работает тут билетершей.

Квин быстро обменялся взглядом с Джонсоном. Детектив вышел из кабинета.

– Та-ак, – проговорил инспектор и снова откинулся на спинку кресла. – Мой старинный друг Пастор Джонни, оказывается, ничего не знает про Монти Фильда.

Знать не знает и ведать не ведает. Славно, славно. Поглядим, насколько это сойдется с рассказом твоей пассии.

Говоря это, инспектор пристально смотрел на шляпу в руках у гангстера. Шляпа была дешевая, фетровая и очень подходила к скромному костюму Джонни – именно такие обычно носят настоящие пасторы.

– А ну-ка, Пастор, – внезапно сказал инспектор, – дай сюда шляпу.

Он почти выхватил ее у Пастора, несмотря на его нежелание отдавать, и принялся рассматривать шляпу. Оттянул вниз кожаную полоску внутри, критически осмотрел ее и, наконец, вернул шляпу владельцу.

– Мы кое-что позабыли, Пастор, – сказал он. – Офицер, как насчет того, чтобы обыскать мистера Казанелли?

– Оружия нет, – вскоре доложил полицейский. Продолжив обыск, он извлек из кармана брюк Пастора толстый бумажник. – Хотите взглянуть, инспектор?

Квин взял бумажник, быстро пересчитал деньги и вернул полицейскому, а тот положил бумажник обратно в карман Пастора.

– Сто двадцать два доллара, Джонни, – негромко сказал инспектор. – Что-то попахивает от этих денег шелком «бономо», ох, попахивает! Ну, да ладно.

Он усмехнулся и спросил полицейского:

– Бутылки никакой у него нет? Полицейский покачал головой.

– А где-нибудь под жилетом или под рубашкой? Снова отрицательный ответ.

Обыск кончился, и Пастор Джонни вздохнул с облегчением.

– Хорошо, Джонни, можешь считать, что у тебя сегодня удачный день. Входите! – крикнул инспектор, заслышав стук в дверь. На пороге появилась стройная девушка в форменной одежде билетерши – та, с которой он уже говорил сегодня. Следом за ней вошел Джонсон и закрыл за собой дверь.

Мадж О'Коннел хмуро поглядела на своего любовника. Тот уставился в пол. Потом она удостоила кратким взглядом Квина. Складки вокруг ее рта стали жестче, и она бросила гангстеру:

– Что, они тебя все-таки поймали, бестолочь! Я же тебе

говорила – не пытайся бежать!

В знак глубокого презрения она повернулась к Пастору спиной и принялась ожесточенно пудриться.

– Почему вы не сказали мне прямо, дитя мое, – мягко спросил Квин, – что вы позаботились о контрамарке для своего друга Казанелли?

– Я никогда не рассказываю всего, что знаю, мистер коп, – ответила она. – Почему я должна все рассказывать? Джонни не имеет никакого отношения к этому делу.

– А об этом и речь не идет, – сказал Квин, поигрывая табакеркой. – Что я хотел бы сейчас узнать от вас, Мадж, – так это одно: не улучшилась ли ваша память со времени нашей прошлой беседы?

– Что это должно означать? – осведомилась она.

– Это означает следующее: вы сообщили мне, что находились на своем обычном месте перед началом спектакля, что указали множеству людей их места, что не можете припомнить, провожали ли вы Монти Фильда, то есть убитого, на его место или не провожали и, наконец, сказали, что на протяжении всего спектакля стояли у начала левого прохода. На протяжении всего спектакля, верно, Мадж?

Девушка волновалась все больше и больше, но постаралась взять себя в руки.

– О, Мадж, – вдруг взорвался Пастор. – Не стоит делать все еще хуже, чем оно есть. Рано или поздно он докопается, что мы были вместе, и тогда у него будет козырь против тебя.

Ты не знаешь, что это за птица. Давай, выкладывай, Мадж.

– Так, – сказал инспектор, приходя в хорошее настроение. – Пастор, с годами ты когда-нибудь и вправду поумнеешь. Я не ослышался, вы были вместе? Почему и как долго?

Лицо Мадж О'Коннел то бледнело, то краснело. Она наградила своего дружка уничтожительный взглядом, а потом снова повернулась к Квину.

– Ладно, лучше уж я сама расскажу, на что намекает этот глупец. Но уж это-то будет все, что мне известно, инспектор. И горе вам, если вы расскажете обо всем этому выродку-директору!

Брови Квина удивленно полезли на лоб, но слушал он, не перебивая.

– Да, я раздобыла контрамарку для Джонни, – с вызовом продолжала девушка, – потому что он любит такие страсти-мордасти со стрельбой, и в тот вечер он был свободен. Стало быть, контрамарку я для него достала. Она – на два лица, все контрамарки на два лица, и место рядом с Джонни все время оставалось свободным. Это было угловое место на левой стороне – лучшее, что мне удалось устроить! Во время первого акта я была слишком занята, чтобы сидеть с ним рядом. Но после антракта, когда поднялся занавес, все шло своим чередом и без меня, так что я смогла присесть. Ладно, признаюсь, почти весь второй акт я просидела рядом с ним. А почему бы и нет, собственно? Могу я себе позволить время от времени небольшую передышку?

– Понимаю. – Брови Квина вернулись на прежнее место. – Вам не пришлось бы тратить столько времени и нервов, юная дама, если бы вы откровенно рассказали мне об этом сразу. Вы не вставали во время второго акта?

– Нет, вставала, и, кажется, даже несколько раз, – сказала она осторожно. – Но поскольку все было в порядке, а директор поблизости не появлялся, я возвращалась назад.

– Вы обращали внимание на этого Фильда, когда проходили мимо?

– Нет.., нет, сэр.

– Не заметили, сидел ли кто рядом с ним?

– Нет, сэр, я и представления не имела, что он в театре. Я, вероятно, даже ни разу не поглядела в его сторону.

– Тогда я предполагаю, – холодно проговорил Квин, – что вы не можете вспомнить, не провожали ли вы кого-нибудь во время второго акта к угловому месту последнего ряда?

– О, я знаю, что мне не следовало делать того, что я сделала. Но за весь вечер я не заметила ничего необычного.

С каждым вопросом девушка нервничала все больше и больше. Украдкой она поглядывала на Пастора, но тот тупо смотрел в пол.

– Вы очень помогли нам, юная дама, – сказал Квин, внезапно поднимаясь. – А сейчас марш отсюда!

Когда девушка подошла к двери, гангстер с самым невинным видом направился следом. Квин сделал знак полицейскому. Пастор тут же оказался в исходной позиции.

– Не спеши так, Джонни, – сказал Квин ледяным тоном.

– О'Коннел!

Девушка обернулась и попыталась придать лицу независимое выражение.

– На сей раз я ничего не скажу мистеру Панцеру. Но советую впредь думать о своих поступках и быть более сдержанной, когда общаетесь с людьми выше себя по общественному положению. Идите. Но если случится что-нибудь еще, пеняйте только на себя.

Девушка засмеялась, потом замерла в нерешительности, но в конце концов выскользнула из кабинета.

Квин обратился к полицейскому:

– Наденьте на него наручники, – сказал он, указывая пальцем на Пастора, – да посадите под замок.

Полицейский мгновенно выполнил приказание. Не успел Пастор и рта раскрыть, как его уже выдворили из кабинета.

Уже совершенно другим тоном Квин попросил Джонсона:

– Джонсон, мальчик мой, мне бы хотелось, чтобы вы пригласили мистера Моргана.

Бенджамин Морган вошел в кабинет твердой походкой, однако не мог полностью скрыть волнения. Он произнес звучным баритоном немного веселей, чем следовало бы: «Ну, сэр, вот и я!» и плюхнулся в кресло, как человек, пришедший в свой клуб после тяжкого дня. Квин никак не отреагировал на такое его поведение. Только посмотрел на Моргана долгим пристальным взглядом, под которым тот беспо-

койно заерзал.

– Меня зовут Квин, мистер Морган, – сказал он приветливо, – инспектор Ричард Квин.

– Я уже знаю, кто вы, – сказал Морган, вставая, чтобы пожать протянутую руку. – Полагаю, что тоже знаком вам, инспектор, вы могли не раз видеть меня в суде несколько лет тому назад. Помните, там было одно дело, по которому я защищал Мери Дулитл, обвинявшуюся в убийстве.

– Точно! – воскликнул обрадованно инспектор. – А я-то думал, откуда же я вас знаю! Вы тогда еще добились ее оправдания, если не ошибаюсь. То была прекрасная работа, Морган. Очень, очень хорошо! Так, значит, это вы? Славно, славно! – Морган засмеялся.

– Да, я тогда был неплох, – согласился он. – Но, боюсь, те времена давно прошли, инспектор. Знаете, Я больше не работаю адвокатом по уголовным делам.

– Не работаете? – Квин взял понюшку табаку. – А я и не знал. Что-то, наверное… – он громко чихнул, – что-то, наверное, не заладилось? – На лице у инспектора было написано сочувствие.

Морган ответил не сразу. Он поразмыслил секунду, потом положил ногу на ногу и сказал:

– Не заладилось в нескольких местах сразу. Вам не помешает, если я закурю? – спросил он вдруг.

Получив разрешение Квина, он запалил толстую сигару и с ног до головы окутался дымом. Некоторое время оба мол-

чали. Морган чувствовал, что инспектор внимательно наблюдает за ним. Он принялся нервно качать ногой, избегая взгляда Квина. Инспектор, казалось, полностью ушел в свои мысли. Тишина становилась все более напряженной и неловкой. Ее нарушало только тиканье часов, стоящих в углу. Откуда-то из театра вдруг донесся шум множества негодующих голосов. Потом так же внезапно он прекратился.

– Начинайте же, инспектор. – Морган закашлялся. Его хриплый голос выдавал внутреннее напряжение. – Что это – особо изощренный метод пытки?

Квин обескураженно поднял глаза.

– Как вы сказали?.. Прошу прощения, мистер Морган. Я, наверное, немного задумался. Где-то витал в эмпиреях. О, господи! Наверное, действительно, старею.

Он встал и прошелся по кабинету, заложив руки за спину. Морган не переставал настороженно следить за ним.

– Мистер Морган, знаете, почему я попросил вас остаться побеседовать со мной?

– Ну, как сказать… Точно не знаю, инспектор. Догадываюсь, конечно, что это как-то связано с тем несчастьем, которое здесь произошло. Но, признаться, не представляю, какое я имею к нему отношение. – Морган жадно затянулся сигарой.

– Вероятно, мистер Морган, вам это быстро станет ясно, – сказал Квин, опираясь на письменный стол. – Человека, которого убили сегодня вечером, – а это не был несчастный

случай, уверяю вас, – звали Монти Фильд.

Сколь хладнокровно это было произнесено и сколь бурную реакцию это вызвало! Морган так и подскочил в кресле, вытаращив глаза. Руки его задрожали, сигара упала на пол. Квин недовольно глядел на него.

– Монти Фильд! – Возглас Моргана прозвучал пугающе громко.

– Поднимите свою сигару, мистер Морган. Мне не хотелось бы злоупотреблять гостеприимством мистера Панцера, – произнес Квин. А про себя подумал: «Э, дружище! Одно из двух: либо ты лучший лицедей на свете, либо ты только что испытал самый большой шок за всю свою жизнь».

Адвокат чисто машинально пошарил по полу и поднял сигару.

– Возьмите себя в руки, мистер Морган, – продолжал говорить Квин. – Почему вас так потрясла смерть Фильда?

– Но… Но как же так? Монти Фильд… О, Боже! – И он захохотал, как сумасшедший: у него явно начинался истерический припадок. Тело Моргана судорожно задергалось. Инспектору были знакомы все эти симптомы. Квин отвесил адвокату пощечину, схватил за воротник и поставил на ноги.

– Вы забываетесь, Морган! – прикрикнул он. Строгий тон возымел свое действие – Морган прекратил смеяться. Он все еще дрожал, но припадок уже миновал.

– Я сожалею о происшедшем, инспектор, – пробормотал он, достал носовой платок и вытер лицо. – Меня действи-

тельно потрясло это известие.

– Да уж вижу, – сухо сказал Квин. – Мне кажется, вас меньше бы потрясло, разверзнись у вас под ногами земля. Ну, Морган, что подобное должно означать?

Адвокат все еще вытирал пот с лица. На щеках его выступил густой румянец, не решаясь заговорить, он закусил губу.

– Все в порядке, инспектор, – произнес он наконец. – Что вы хотите узнать?

– Так-то будет лучше, – кивнул Квин, – начнем вот с чего: расскажите мне, когда вы в последний раз видели Монти Фильда?

Адвокат нервно откашлялся.

– Ну, я его не видел уже целую вечность, – сказал он тихо. – Я предполагаю, вам известно, что раньше мы были партнерами, и дела в нашей конторе шли просто прекрасно. Но после одного случая нам пришлось расстаться. Я.., я с тех пор больше его не видел.

– И сколько прошло времени?

– Добрых два года.

– Прекрасно. – Квин подался вперед. – Мне бы также хотелось знать, почему именно вы расстались?

Адвокат внимательно изучал узор на ковре и теребил свою сигару.

– Я – ну, вы хорошо знаете, какой репутацией пользовался Фильд. У нас были разные взгляды на профессиональную этику. На этой почве вышел небольшой конфликт и нам при-

шлось расстаться.

– А неслужебные отношения между вами тоже закончились?

– Ну, судя по обстоятельствам, да.

Квин забарабанил пальцами по столу. Морган беспокойно ерзал в кресле. Казалось, он все еще не может окончательно оправиться от шока.

– Когда сегодня вечером вы пришли в театр, Морган? – спросил инспектор.

– Так, примерно минут пятнадцать девятого, – ответил он, весьма удивленный подобным вопросом.

– Вы не могли бы показать мне свой билет? Адвокат долго шарил по карманам, найдя билет, протянул его инспектору. Квин взял его, незаметно достал три других билета с оборванным контролем и опустил свои руки под стол. Секунду спустя он поднял на Моргана непроницаемый взгляд и положил все четыре билета себе в карман.

– Значит, вы сидели на месте С4, в середине, не так ли? Очень хорошее место, Морган. А как вам вообще пришла мысль посмотреть сегодня вечером «Игры с оружием»?

– Ну, это просто очень необычная пьеса, не так ли, инспектор? – Морган, казалось, был смущен. – Я бы, вероятно, не додумался сам пойти – я, знаете, не особо большой театрал, – но дирекция Римского театра была настолько любезна, что прислала мне персональное приглашение и билет на сегодняшний спектакль.

– Это правда? – удивленно воскликнул Квин. – В самом деле, очень мило с их стороны. И когда же вы получили билет?

– Я получил билет и письмо с приглашением в субботу у себя в конторе, инспектор.

– О! Там было еще и письмо? У вас случайно нет его при себе?

– Кажется, оно у меня с собой. Я даже уверен в этом, – пробормотал Морган, снова принимаясь шарить по карманам. – Да, вот оно. – Он протянул инспектору маленький прямоугольный лист белой бумаги, украшенный виньеткой.

Квин осторожно взял его и посмотрел на просвет. Сквозь несколько строк, напечатанных на машинке, можно было ясно видеть водяные знаки. Затем инспектор открыл верхний ящик письменного стола Панцера и, порывшись, извлек оттуда лист писчей бумаги. Лист был большой, квадратный. Вверху на нем красовался тисненый герб театра. Квин положил лист и приглашение рядом, на секунду задумался. Потом вздохнул, взял в руки приглашение и прочел:

«Дирекция Римского театра сердечно приглашает настоящим письмом мистера Бенджамина Моргана посетить спектакль «Игры с оружием» в понедельник, 24 сентября. Мы просим Вас, как одного из ведущих членов Нью-йоркской коллегии адвокатов, вынести свое суждение о пьесе с точки зрения социальной значимости и уголовного права. Однако просим Вас никоим образом не рассматривать это в ка-

честве обязательного условия. Дирекция хотела бы заверить Вас, что, приняв наше приглашение, Вы не возлагаете на себя никаких обязательств.

Римский театр».

На последней букве красовалась жирная клякса. Квин поднял глаза и улыбнулся.

– Действительно, очень мило со стороны театра, мистер Морган. Я вот только спрашиваю себя… – Он прервался, чтобы подать знак Джонсону, который все это время сидел в углу, молча наблюдая за ходом допроса. – Приведите ко мне мистера Панцера, директора, и если где-нибудь тут еще вертится ответственный за рекламу, – фамилия его что-то вроде Биллсон или Пиллсон, – попросите его тоже зайти сюда.

Когда Джонсон вышел из кабинета, инспектор снова повернулся к адвокату.

– Можно попросить на минутку ваши перчатки, мистер Морган?

Морган молча подал Квину перчатки – обычные перчатки из белого шелка, полагающиеся к фраку. Квин взял их и принялся с любопытством разглядывать. Он явно намеревался обследовать их со всей тщательностью: вывернул на левую сторону, долго изучал пятнышко на указательном пальце и даже попробовал его на язык, не преминув сделать какое-то шутливое замечание. Когда исследование было завершено, он торжественно вернул перчатки адвокату.

– И еще одно, Морган. У вас просто прекрасный цилиндр.

Можно взглянуть на него?

Адвокат, по-прежнему не говоря ни слова, положил свой цилиндр на письменный стол. Квин, беззаботно насвистывая какой-то шлягер, повертел его в руках. Это был блестящий цилиндр отличного качества. На шелковом белом подкладе золотыми буквами значилось имя изготовителя: «Джеймс Чомси и К°», рядом таким же золотом на ленте были выведены два инициала: «Б. М.». Квин улыбнулся и примерил цилиндр – он оказался немного маловат. Квин тотчас же снял его и отдал Моргану.

– Очень мило с вашей стороны, что вы позволяете мне такие вольности, – сказал он, что-то быстро записывая на листке бумаги, извлеченном из кармана.

Дверь открылась, вошли Панцер, Джонсон и Гарри Нельсон. Панцер неуверенно сделал несколько шагов по направлению к инспектору, а Нельсон сразу плюхнулся в одно из кресел.

– Чем мы можем быть вам полезны, инспектор? – спросил Панцер слегка дрожащим голосом.

– Мистер Панцер, сколько сортов почтовой бумаги вы используете в своем театре?

Директор удивленно поглядел на него.

– Только один. Образец вы положили перед собой на письменный стол.

– Хм… – Квин протянул Панцеру приглашение, которое ему дал Морган.

– Я бы хотел, чтобы вы очень внимательно посмотрели на этот лист, мистер Панцер. Как вы полагаете, есть у вас в театре такая почтовая бумага?

Директор удивленно посмотрел на листок с приглашением.

– Нет, не думаю. Я даже уверен в этом. Что это еще такое? – воскликнул он, пробежав взглядом первые строчки, напечатанные на машинке. – Нельсон! Я вас спрашиваю! Что это такое? Ваша последняя шутка ради привлечения внимания публики? – Он в ярости помахал приглашением перед носом Нельсона.

Нельсон выхватил листок из рук директора.

– Черт бы меня побрал, – пробормотал он, – это прямо находка сезона! – Он продолжал читать со все возрастающим удивлением. Затем отдал листок Панцеру и, чувствуя на себе укоризненные взгляды всех присутствующих, сказал:

– Сожалею, но вынужден отказаться от высокой чести быть причастным к этой великолепной выдумке. Черт, почему она не пришла в голову мне?

Директор в волнении повернулся к Квину.

– Это в высшей степени странно, инспектор. Насколько я знаю, Римский театр никогда не пользовался такой почтовой бумагой, и могу заверить вас, что я никогда не позволил бы такой рекламной выходки. А если Нельсон заявляет, что он здесь ни при чем…

Квин бережно положил приглашение к себе в карман.

– У меня к вам все, господа. Благодарю вас. Он кивнул директору и агенту по рекламе, дав им понять, что они могут идти, и испытующе поглядел на адвоката, который покраснел до корней волос. Инспектор слегка хлопнул ладонью по столу.

– Что вы теперь скажете, мистер Морган? Морган вскочил.

– Это какая-то проклятая нечистая игра! – воскликнул он и погрозил Квину кулаком. – Я понимаю в ней не больше, чем.., чем вы, уж простите меня за резкость! Кроме того, если вы думаете, что можно таким образом взять меня на пушку, то ошибаетесь! Осматривать мою шляпу, перчатки… Бог ты мой, как вы еще не обследовали мои кальсоны, инспектор!

Он смолк, чтобы перевести дух.

– Но, мой дорогой Морган, – мягко сказал инспектор, – из-за чего вы так волнуетесь? Можно подумать, что я обвиняю вас в убийстве Монти Фильда. Садитесь и успокойтесь. Я всего-то задал вам один простой вопрос.

Морган упал в кресло. Дрожащей рукой он вытер подбородок и произнес:

– Прошу простить меня, инспектор. Я просто вышел из себя. Но от всех этих фокусов… – Он говорил все тише, а последние слова буквально пробормотал себе под нос.

Квин насмешливо глядел на него. Джонсон осторожно кашлянул, деликатно разглядывая потолок. Издалека снова

донесся шум и опять смолк, как по мановению волшебной палочки. Наконец, тишину нарушил Квин.

– Это все, Морган. Можете идти.

Адвокат тяжело поднялся, открыл было рот, намереваясь что-то сказать, но передумал, сжал губы и надел свой цилиндр. По знаку инспектора встал и Джонсон. Открыв адвокату дверь, он вышел за ним следом.

Оставшись в кабинете один, Квин развил бурную деятельность. Он извлек из кармана четыре билета с оторванным контролем, письмо-приглашение, которое дал ему Морган, и дамскую сумочку, найденную в кармане покойного. Ее он открыл во второй раз за вечер и выложил все содержимое на стол перед собой. Несколько визитных карточек, на которых затейливо было выведено «Франсес Айвз-Поуп», два кружевных носовых платка, пудра, румяна, губная помада, маленький кошелек, где обнаружилось двадцать долларов купюрами и несколько монет, ключ от двери. Квин какое-то время самозабвенно занимался изучением всех этих вещей. Потом снова сложил их в сумочку, сунул ее в карман, в другой положил обрывки билетов и письмо, встал и не спеша огляделся. Подошел к вешалке, снял единственную висевшую там шляпу – круглую, фетровую – и обследовал ее изнутри. Казалось, его заинтересовали инициалы «Л. П.» и размер 63. Потом он повесил шляпу обратно и открыл дверь.

Четыре человека, сидевшие в приемной, с видимым облегчением вскочили. Квин, улыбаясь, стоял на пороге, держа

руки в карманах пальто.

– Наконец-то дело дошло и до вас, – сказал он. – Вы не могли бы все зайти в кабинет?

Он вежливо отступил в сторону и пропустил их – троих женщин и молодого человека. Женщины сели, причем молодой человек галантно подвинул кресло каждой из них. Теперь четыре пары глаз неотрывно следили за инспектором, который по-прежнему стоял в дверях. Он еще раз выглянул в приемную, закрыл дверь и солидной походкой прошел к своему креслу за письменным столом.

– Ну вот, – сказал он, – должен извиниться за то, что заставил вас так долго ждать. Знаете ли, дела, дела, служба! Ну, а теперь поглядим. Хм. Да.., да, да. Я просто не могу иначе! Ну, ладно! Во-первых, уважаемые дамы и молодой человек, что за узы вас связывают?

Он приветливо посмотрел на самую красивую из трех женщин:

– Я полагаю, мисс, что вас зовут Франсес Айвз-Поуп, хотя еще не имел удовольствия быть вам представленным. Я не ошибся?

Девушка удивленно подняла брови.

– Совершенно верно, сэр, – сказала она звонким голосом. – Но я не понимаю, откуда вам известно мое имя.

Она улыбнулась очаровательнейшей улыбкой, полной шарма и той таинственности, которая привлекает просто необыкновенно. Великолепная фигура, большие карие гла-

за, нежная кожа. Эта женщина в самом расцвете молодости, казалось, была воплощенное совершенство. Инспектор даже почувствовал себя моложе, глядя на нее. Он улыбнулся ей в ответ.

– Ну, мисс Айвз-Поуп, – хихикнул он, – согласен, это большая загадка для вас. А тот факт, что я вдобавок еще и полицейский, который почему-то знает ваше имя, наводит на малоприятные мысли. Однако все объясняется довольно просто: вас не назовешь неизвестной юной дамой. Я только сегодня видел ваш портрет в газете, в колонке светской хроники.

Девушка рассмеялась, но немножко нервно:

– Так вот значит как! – сказала она. – А я-то уж начала побаиваться. Ну, а теперь скажите, что же вы от меня хотите?

– А все профессия! Все моя профессия, – сокрушенно сказал инспектор. – Всегда стоит лишь мне заинтересоваться каким-то человеком, у меня начинается внутренний конфликт между моими желаниями и профессиональным долгом… Прежде, чем я начну свои расспросы, разрешите узнать, кто ваши друзья?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.